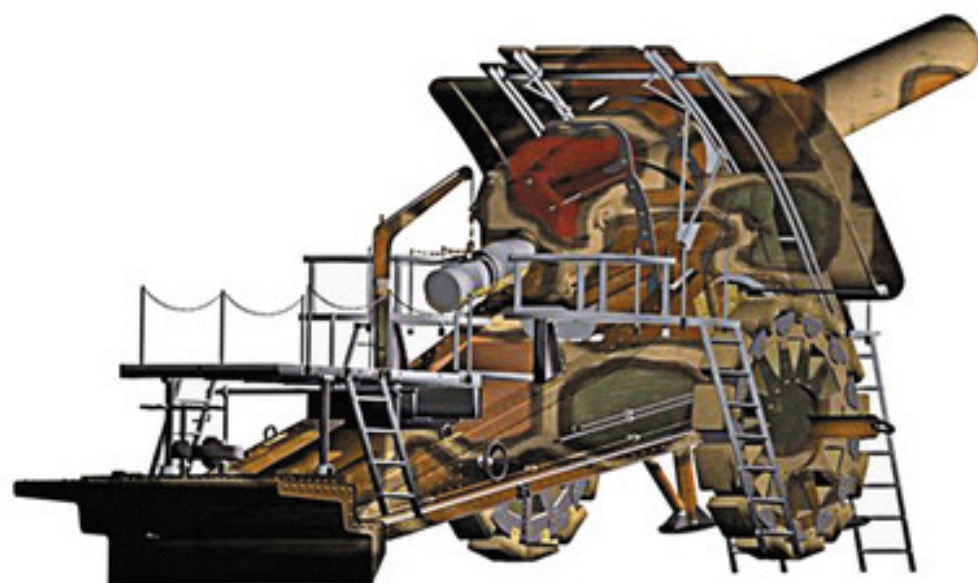

АВГУСТОВСКИЕ ПУШКИ

Барбара ТАКМАН

ОТ ЛАУРЕАТА ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Страницы истории (АСТ)

Барбара Такман

Августовские пушки

«Издательство АСТ»

1962

УДК 94(100)"1914"
ББК 63.3(0)

Такман Б.

Августовские пушки / Б. Такман — «Издательство АСТ»,
1962 — (Страницы истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-085857-6

«Августовские пушки» – одна из самых значительных исторических работ XX века. Она удостоена Пулитцеровской премии, выдержала множество переизданий и переведена на все ведущие языки мира, а президент Джон Кеннеди рекомендовал ее к обязательному прочтению своему окружению во время Карибского кризиса. Он видел в книге Барбары Такман яркое описание лавинообразного процесса сползания к войне в условиях острого международного кризиса и опасался, что в неустойчивом мире, обладающем ядерным оружием, сходная ситуация может привести к еще более катастрофическим последствиям... Неумолимая логика событий постепенно затягивает не желающие, в сущности, воевать державы в кровавый водоворот. Но почему проваливаются все многочисленные попытки предотвратить начинающуюся катастрофу?

УДК 94(100)"1914"
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-085857-6

© Такман Б., 1962
© Издательство АСТ, 1962

Содержание

Предисловие к изданию 1988 года	6
От автора	9
Глава 1	10
Планы	20
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Барбара Такман

Августовские пушки

Человеческое сердце – вот источник всего, что имеет отношение к войне.

Мориц Саксонский. Теория военного искусства (1732)

Жуткие «если бы» накапливаются...

Уинстон Черчилль. Мировой кризис. Т. I. Гл. XI

Серия «Страницы истории»

Barbara W. Tuchman
THE GUNS OF AUGUST

Перевод с английского А. Милюкова
Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Russell & Volkening Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербург)
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Barbara W. Tuchman, 1962 copyright renewed 1990 by Dr. Lester Tuchman
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Предисловие к изданию 1988 года

Эта книга обязана своим появлением на свет двум предыдущим текстам, написанным мною и посвященным, так или иначе, Первой мировой войне. Первый текст, под названием «Библия и меч», рассказывал о предыстории «декларации Бальфура», принятой в 1917 году в преддверии вступления британцев в Иерусалим в ходе войны с турками на Ближнем Востоке. Поскольку Иерусалим является священным центром иудео-христианской религии, а также священным городом для мусульман (в то время, к слову, ему не придавали такого значения как сегодня), вступление британских частей в этот город сочли событием, которое требовало неких символических жестов и определенного «этического обоснования». Официальное заявление, признающее Палестину исторической родиной населения этой области, было опубликовано именно с этой целью, а вовсе не стало отражением «ярого филосемитизма» британского правительства. Впрочем, нельзя отрицать и влияние других факторов – в частности, пронизанности британской культуры библейскими мотивами, прежде всего мотивами Ветхого Завета, а еще, если воспользоваться цитатой из «Манчестер гардиан», «насушной логики боевых действий на берегах Суэцкого канала». Иными словами – Библии и меча.

Вторая из книг, предшествовавших «Пушкам», называлась «Телеграмма Циммермана» и была посвящена предложению министра иностранных дел Германии в те годы, Артура Циммермана, побудить Мексику и Японию к заключению союза и нападению на Соединенные Штаты; причем Мексике сулили возврат утраченных территорий – штатов Аризона, Нью-Мексико и Техас. Суть предложения Циммермана сводилась к тому, чтобы занять США делами на Американском континенте и тем самым воспрепятствовать их вступлению в войну в Европе. Результат оказался обратным желаемому: телеграмма президенту Мексики была перехвачена и расшифрована англичанами и предоставлена в распоряжение правительства США. Волна возмущения в американском обществе значительно ускорила вступление Соединенных Штатов Америки в войну.

Я всегда полагала, штудирова исторические источники, что 1914 год был тем самым мгновением, когда «пробили часы», той датой, которая завершила девятнадцатое столетие и начала отсчет нашего века, «грозного двадцатого», как обронил Черчилль. В поисках темы для книги я вдруг поняла, что 14-й год подходит как нельзя лучше. Оставалось лишь наметить рамки и сообразить, с чего начинать. И тут, когда я ошупью искала правильный подход к материалу, произошло маленькое чудо – мой агент позвонил с вопросом: «Хотите пообщаться с издателем, который хочет выпустить книгу о 1914 году?» Я была поражена до глубины души таким совпадением, но нашла в себе силы промямлить: «Да, конечно»; при этом меня несколько задело, что кому-то еще пришла в голову та же идея, что и мне самой.

Издателем оказался англичанин Сесил Скотт из «Макмиллан», ныне уже покойный, и при встрече он поведал мне, что хочет получить текст с правдивой историей битвы при Монсе 1914 года, первой иностранной операции британского экспедиционного корпуса (БЭК); эта битва имела важнейшее значение и вдобавок обросла легендами о сверхъестественном вмешательстве в людские дела. После встречи с мистером Скоттом я отправилась кататься на лыжах в Вермонт – и прихватила с собой чемодан книг.

Домой я возвратилась с желанием написать книгу о прорыве «Гебена», немецкого крейсера, который, ускользнув от погони англичан в Средиземном море, достиг Константинополя и вовлек Турцию и всю Османскую империю в войну, определив ход истории Ближнего Востока на десятилетия вперед. «Гебен» представлялся мне естественным выбором, поскольку он был частью нашей семейной истории, к которой я приобщилась в возрасте двух лет. Моя семья вместе со мной пересекала Средиземное море, направляясь в Константинополь, где мой дед состоял послом США при Османской Порте. В кругу нашей семьи часто вспоминали, как

пассажиры с палубы видели клубы дыма, как один корабль насккивал на два других и как «Гебен» прибавил ход и скрылся; по прибытии в Константинополь мы оказались первыми, кто поставил чиновников и дипломатов в известность об этом морском бое. Моя мать вспоминала и о продолжительном допросе, которому ее подверг посол Германии, не позволяя сойти на берег и обнять отца; с ее слов я составила свое первое впечатление о немецкой манере общения.

Почти тридцать лет спустя, вернувшись с лыжного уикенда в Вермонте, я сообщила мистеру Скотту, что вот история из 1914 года, о которой я хотела бы написать. Он не согласился. Ему по-прежнему не давал покоя Моне. Как экспедиционный корпус сумел отбросить немцев? И вправду ли над полем боя появился ангел? И откуда вообще взялась легенда об ангелах Монса, столь популярная впоследствии на Западном фронте? Честно говоря, меня саму «Гебен» интересовал куда больше, чем ангелы Монса, но важнее всего было то, что нашелся издатель, готовый опубликовать книгу о 1914 году.

Война в целом казалась темой слишком грандиозной и для меня неподъемной. Но мистер Скотт настаивал, что я вполне способна к ней подступить, и когда я составила перечень событий первого месяца войны, в который включила все, в том числе «Гебен» и битву при Монсе, чтобы потрафить нам обоим, – стало понятно, что проект действительно осуществим.

Увязнув среди всех этих армейских корпусов с римскими цифрами вместо имен собственных и левых и правых флангов, я вскоре ощутила, что мне следовало бы поучиться в академии генерального штаба лет десять как минимум, прежде чем браться за подобную книгу, в особенности когда попыталась объяснить, как отступавшие французы сумели в самом начале войны вернуть себе Эльзас. Как-то я выкрутилась, освоив технику маневрирования, которой учится любой автор исторических исследований: слегка «затушевать» факты, если ты не в силах осознать картину во всей полноте. Гиббон поступал точно так же, выстраивая свои певучие и протяженные предложения, которые, если проанализировать их по отдельности, зачастую малоосмысленны – зато обладают надлежащей структурой. Я не Гиббон, разумеется, но я познала ценность углубления в неведомое без возвращения к предыдущим исследованиям, где уже все известно и знакомо – и исходный материал, и лица, и обстоятельства. Конечно, последнее изрядно облегчает работу, но лишает новизны и восторга открытия, а ведь именно по этой причине я взялась за новую тему для новой книги. Возможно, критики со мной не согласятся, но лично меня это радует. Так как меня почти не знала широкая публика, «Августовские пушки», будучи опубликованными, удостоились не критического разгрома, а удивительно теплого приема. Клифтон Фейдимен так отозвался о «Пушках» в бюллетене «Книга месяца»: «С громкими словами надо быть осторожнее; тем не менее есть шанс, что «Августовские пушки» могут со временем стать исторической классикой. Работе присущи едва ли не фукидидовские добродетели: глубина, краткость, масштабность. Посвященная краткому периоду непосредственно до и сразу после начала Первой мировой войны, эта книга, как и «История» Фукидида, выходит за свои пределы и за заявленные рамки повествования. В своей жесткой, «скульптурной» стилистике эта книга фиксирует те моменты, которые породили наше нынешнее время. Она оценивает наши страхи в долгосрочной перспективе, утверждая, что если большинство мужчин, женщин и детей в мире в скором времени окажутся распыленными на атомы, произойдет это, как ни поразительно, вследствие артиллерийской канонады в августе 1914 года. Быть может, я упрощаю, но именно таков авторский посыл, преподносимый без истерик и оттого еще более жуткий. Книга утверждает, что тупик «страшного августа» определил весь дальнейший ход войны и условия мира, сформировал проблемы межвоенного периода и привел в итоге к новой войне».

Далее Фейдимен перечислил основных действующих лиц повествования и заметил, что «одним из талантов настоящего историка является способность проецировать человеческие мысли и чувства, а не только рассказывать о событиях». Он выделил основные символические фигуры в моем представлении – кайзер, король Альберт, генералы Жоффри и Фош, среди про-

чих, упомянул о том, как я обрисовала их, размышлял, что мною двигало и удалось ли мне справиться с поставленной задачей. Меня настолько тронула похвала Фейдимена, не говоря уже о сравнении с Фукидидом, что я даже расплакалась, чего раньше никогда не случалось. Идеальное понимание, каковое, возможно, случается лишь однажды в жизни.

Полагаю, в предисловии к юбилейному изданию следует оценить, сохранила ли книга свое значение сегодня. Думаю, да. В ней нет глав, абзацев и фраз, которые мне хотелось бы переписать.

Самая известная часть книги – ее первая глава с описанием похорон Эдуарда VII, а вот заключительный абзац послесловия выражает самую суть работы, точнее, значение Великой войны для истории человечества. Может быть, самонадеянно с моей стороны так говорить, но я считаю, что этот абзац ничуть не хуже любого другого резюме событий Первой мировой войны, что я знаю.

К похвалам Фейдимена неожиданно добавилось поразительное предсказание «Паблшерз уикли», этой библии книжной торговли. «Августовские пушки», утверждалось в еженедельнике, «просто обязаны стать бестселлером в разделе новой публицистики этой зимой». Увлечшись восхвалениями, еженедельник, в довольно эксцентричной стилистике, заключил, что эта книга «заразит американских читателей новым энтузиазмом в отношении тех поистине электризирующих моментов, какими до сих пор пренебрегали любители истории...» Не думаю, что слово «энтузиазм» применимо к трагедии Великой войны, сама я точно бы его не употребила, как не стала бы и рассуждать об «электризирующих моментах» или говорить о пренебрежении историей Первой мировой, учитывая длинный список посвященных ей работ в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Но в целом читать эту рецензию было приятно. Особенно если вспомнить, сколь часто в процессе работы меня посещала депрессия и я писала мистеру Скотту: «Да кто будет это читать?» А он отвечал: «Двое – вы и я». Это несколько не обнадеживало, и тем удивительнее оказались положительные отзывы на книгу. Как выяснилось, еженедельник ничуть не преувеличил. «Пушки» расходились, как горячие пирожки, и мои дети, которым я передала роялти и иностранные права, до сих пор получают чеки с известными суммами. Да, если разделить эти суммы натрое, они, возможно, и не столь велики, но приятно сознавать, что и двадцать шесть лет спустя книга находит новых читателей.

Я счастлива, что нынешнее издание представляет мою книгу новому поколению, и надеюсь, что и в своем зрелом возрасте она не утратила шарм – то есть, будет по-прежнему интересна.

Барбара Такман

От автора

Эта книга многим обязана прежде всего мистеру Сесилу Скотту из издательства «Макмиллан», чьи советы и знание предмета оказались поистине неоценимыми и чью поддержку я ощущала на всем протяжении работы над текстом. Мне также посчастливилось сотрудничать с мистером Деннигом Миллером, стараниями которого удалось прояснить много темных мест и сделать эту книгу значительно лучше, чем она могла бы быть. Я безмерно признательна ему за помощь.

Я хотела поблагодарить «ресурсообильную» Нью-йоркскую публичную библиотеку и одновременно выразить надежду, что когда-нибудь и в моем родном городе найдут возможность предоставить ученым доступ к богатейшим хранилищам местной библиотеки. Я также благодарю библиотеку Нью-йоркского общества за неизменное радушие ее персонала и за тишину и уют ее залов; миссис Агнес Ф. Петерсон из Гуверовской библиотеки в Стэнфорде за редкие экземпляры книг и за изыскания по моей просьбе; мисс Р. Э. Б. Кум из Имперского военного музея в Лондоне за подбор иллюстраций; сотрудников Парижской библиотеки современных документов за предоставление оригиналов приказов и донесений; мистера Генри Сакса из Артиллерийской ассоциации за технические консультации и пополнение моих слабых познаний в немецком языке.

Читателям я должна пояснить, что отсутствие в книге упоминаний о ситуации в Австро-Венгрии и Сербии, а также на русско-австрийском и сербско-австрийском фронтах продиктовано не совсем субъективными соображениями. Балканы – извечная проблема и совершенно отдельная история войны, так что мне показалось, что без них логика изложения не пострадает, а книга не увеличится в объеме до невообразимых размеров.

Долго изучая военные мемуары, я надеялась обойтись в своей книге без римских цифр в обозначениях подразделений, но сложившаяся практика оказалась сильнее моих благих намерений. Я ничего не могу поделать с римскими цифрами, которые, такое ощущение, неразрывно связаны с армейскими частями; зато я могу предложить читателю полезное правило левого и правого речных берегов (когда смотришь вниз по течению): даже когда армии разворачиваются и отступают, они сохраняют те же «координаты», что и при наступлении, то есть «лево» и «право» остаются для них теми же самыми.

Источники цитат и описаний указаны в библиографии. Я старалась по возможности избежать спонтанной атрибуции и стиля «он должен был так подумать»: «Глядя, как исчезает вдали побережье Франции, Наполеон, должно быть, вспоминал былые дни...» Все погодные условия, мысли и чувства, размышления общего и частного свойства на страницах этой книги имеют документальное подтверждение.

Глава 1

Похороны

Столь величественным было зрелище в майское утро 1910 года, когда девять монархов ехали вместе за похоронным поездом короля Англии Эдуарда VII, что по толпе, притихшей в ожидании и одетой в траур, прокатился гул восхищения. В алом и голубом, зеленом и пурпурном, по трое в ряд монархи миновали дворцовые ворота – в шлемах с перьями, с золотыми аксельбантами, малиновыми лентами, в усыпанных бриллиантами орденах, сверкавших на солнце. За ними двигались пятеро прямых наследников, сорок императорских или королевских высочеств, семь королей – четыре вдовствующие и три правящие, – а также множество специальных послов из некоронованных стран. Вместе они представляли семьдесят наций на самом большом и, очевидно, последнем в своем роде собрании королевской знати и чинов, когда-либо съезжавшихся в одно место. Колокола на часовой башне парламента приглушенно пробили девять утра, когда кортеж покинул дворец. Однако часы истории указывали на закат, и солнце старого мира опускалось в угасающем зареве великолетия, которому предстояло исчезнуть навсегда.

В центре первого ряда ехал новый король Георг V, слева от него находился герцог Коннахт, единственный из оставшихся в живых братьев покойного короля, а справа – человек, которому, как писала «Таймс», «принадлежит первое место среди прибывших из-за границы плакальщиков, даже в моменты наиболее напряженных отношений эта персона всегда пользовалась у нас популярностью», – Вильгельм II, император Германии. Верхом на сером коне, одетый в алую форму английского фельдмаршала, он держал в руках маршальский жезл. Лицо кайзера со знаменитыми закрученными вверх усами было «мрачным, почти жестоким». О том, какие чувства волновали эту легковозбудимую, впечатлительную натуру, можно узнать из его писем: «Я горд назвать это место своим домом, быть членом этой королевской семьи», – писал он в Германию, проводя ночь в Виндзорском замке, в бывших апартаментах своей матери. Сентиментальность и грусть, вызванные печальными событиями, боролись с гордыней, проистекавшей из чувства превосходства над собравшимися монархами, и жгучей радостью по поводу исчезновения его дяди с европейского горизонта. Он приехал хоронить Эдуарда – проклятие своей жизни, главного творца, как считал Вильгельм, политики изоляции Германии. Эдуард, брат матери Вильгельма, которого он сам не мог ничем ни запугать, ни поразить, своей дородной фигурой заслонял Германии солнце. «Это – сам Сатана. Трудно представить, какой он Сатана!»

Эти слова, произнесенные кайзером перед тремястами гостями на обеде в Берлине в 1907 году, явились результатом одного из путешествий Эдуарда по Европе, предпринятого ради осуществления дьявольской идеи изоляции Германии. Он неспроста пробыл неделю в Париже, без всяких видимых причин посетил короля Испании (только что женившегося на его племяннице) и завершил свою поездку визитом к королю Италии с явным намерением соблазнить его на выход из Тройственного союза с Германией и Австрией. Кайзер, владеец наиболее несдержанного языка в Европе, в порыве неистовства высказал тогда одно из тех замечаний, которые периодически, в течение двадцати лет его правления, вызывали у дипломатов нервные потрясения.

Теперь, к счастью, «Окружатель» был мертв, и его место занял Георг, который, как сказал кайзер Теодору Рузвельту за несколько дней до похорон, был «очень хорошим мальчиком» (сорока пяти лет, на шесть лет моложе кайзера). «Он настоящий англичанин и ненавидит всех иностранцев, против чего я не возражаю, если, конечно, он не будет ненавидеть немцев больше, чем других». Сейчас Вильгельм уверенно ехал рядом с Георгом, отдавая честь знаменам Первого королевского драгунского полка, где значился почетным полковником. Когда-то

он распространял свои фотографии в форме этого полка с загадочной надписью над факсимиле: «Я жду своего времени». Сегодня это время пришло – он могущественнее всех в Европе.

За ним ехали два брата овдовевшей королевы Александры – король Дании Фредерик и король Греции Георг, и еще ее племянник, король Норвегии Хакон. Затем следовали три короля, которые в будущем лишатся своих тронов, – Альфонс, король Испании, Мануэль, король Португалии, и Фердинанд, король Болгарии, в шелковом тюрбане, раздражавший своих монарших собратьев тем, что именовал себя кесарем и хранил в своем гардеробе полное облачение византийского императора, приобретенное у театрального костюмера, в уповании на тот день, когда ему, может быть, удастся собрать все византийские владения под свой скипетр.

Ослепленные зрелищем этих «красиво восседавших принцев», по выражению «Таймс», немногие обратили внимание на девятого короля, единственного из всех, кому суждено было стать действительно великим человеком. Несмотря на высокий рост и отличные навыки верховой езды, Альберт, король Бельгии, не любивший помпезных монархических церемоний, выглядел в этой компании смущенным и рассеянным. Тогда ему было тридцать пять лет, и на троне он провел немногим более года. Позже, когда Альберт стал известен миру как символ героизма и трагедии, у него был почти такой же рассеянный взгляд, как будто он мысленно находился в другом месте.

Будущая причина трагедии – высокий, осанистый, затянутый в корсет, в каске с качающимися на ней зелеными перьями, – эрцгерцог Австрии Франц-Фердинанд, наследник престарелого императора Франца-Иосифа, ехал справа от Альберта, а слева от него находился еще один отпрыск, который никогда не займет трона, – принц Юсуф, наследник турецкого султана. После королей ехали королевские высочества: принц Фусими, брат императора Японии, великий князь Михаил, брат русского царя, герцог Аоста в светло-голубом мундире и с зелеными перьями на каске, брат короля Италии, принц Карл, брат короля Швеции, супруг правящей королевы Голландии принц Генрих, а также кронпринцы Сербии, Румынии и Черногории. Последний, кронпринц Данило, «обаятельный, необычайно красивый молодой человек с восхитительными манерами», напоминал возлюбленного Веселой вдовы не только именем. Он прибыл накануне вечером, к раздражению британских государственных деятелей, в сопровождении «очаровательной молодой особы необыкновенной красоты», и представил ее как фрейлину своей жены, приехавшую в Лондон, чтобы сделать кое-какие покупки.

Далее ехал целый полк мелких представителей германской королевской фамилии: великие герцоги Мекленбург-Шверина, Мекленбург-Стрелица, Шлезвиг-Гольштейна, Вальдек-Пирмонта, Кобурга, Саксен-Кобурга и Гота, Саксонии, Гессена, Вюртемберга, Бадена, Баварии. Кронпринцу Рупрехту из Баварии вскоре предстояло повести германскую армию в бой. С ними же находились принц Сиам, принц Персии, пять принцев бывшего французского Орлеанского королевского дома, брат хедива Египта в феске с золотой кисточкой, принц Цзядао из Китая в расшитом светло-голубом наряде (его старинной династии оставалось править не более двух лет), а также брат кайзера, принц Прусский Генрих, представлявший германский флот, главнокомандующим которого он являлся. Среди всего этого величия можно было увидеть и трех одетых в штатское господ: Гастон-Карлина из Швейцарии, Пишона, министра иностранных дел Франции, и экс-президента Теодора Рузвельта, специального посланника Соединенных Штатов.

Эдуарда, ставшего причиной этого беспрецедентного собрания власть имущих, часто называли «Дядей Европы» – это прозвище, если иметь в виду правящие дома Европы, следовало бы понимать в буквальном смысле. Он приходился дядей не только кайзеру Вильгельму, но также – по линии сестры своей жены, вдовствующей русской императрицы Марии, – и царю Николаю II. Сама русская царица приходилась ему племянницей. Дочь Эдуарда, Мод, правила в Норвегии, другая племянница, Ена, была королевой Испании, а третьей племяннице, Марии, вскоре предстояло стать королевой Румынии. Датская ветвь его жены, помимо того, что вла-

дела трон Дании, находилась в родстве по материнской линии с русским царем, а также снабдила королями Грецию и Норвегию. Другие родственники, отпрыски девяти сыновей и дочерей королевы Виктории, были в избытке раскиданы по всем королевским дворам Европы.

И все же не только семейные чувства или даже печаль и потрясение, вызванные смертью Эдуарда, – как известно, он проболел всего один день и умер на следующий – послужили причиной неожиданного потока соболезнований по случаю его кончины. Это было действительно признание великих заслуг Эдуарда как короля, оказавшего неоценимую услугу своей стране. За девять коротких лет его правления Англия отошла от блестящей изоляции, вынужденная согласиться на «взаимопонимание» и заверения в преданности (но не на союзы – Англия не любит определенности) с двумя своими старыми врагами – Францией и Россией, и с одной многообещающей державой – Японией. Изменение сил проявилось во всем мире и повлияло на отношения каждой страны с другими. Хотя Эдуард не выступал в качестве инициатора и не влиял на политику своей страны, его личная дипломатия способствовала этим изменениям.

Еще ребенком, находясь вместе с родителями с официальным визитом во Франции, он заявил Наполеону III: «У вас прекрасная страна, и я хотел бы быть вашим сыном». Это предпочтение всему французскому в противовес – или, скорее, в знак протеста – против пристрастия матери ко всему немецкому продолжалось и после ее смерти и было воплощено в реальные дела. Когда Англия, с растущим беспокойством наблюдавшая за вызовом, который сулила программа усиления германского флота, решила забыть старые счеты с Францией, таланты Эдуарда – *Roi Charmeur*, «короля-очарователя», – помогли ей плавно обойти все острые углы. В 1903 году он направился в Париж, несмотря на предупреждения о том, что официальный государственный визит встретит холодный прием. Встречавшая его толпа была мрачной и тихой, лишь изредка раздавались насмешливые возгласы: «*Vivent les Boers!* Да здравствуют буры!» и «*Vive Fashoda!* Да здравствует Фашода!» Но король не обратил на выкрики никакого внимания. «Французы нас не любят», – пробормотал кто-то из адъютантов. «А почему они должны нас любить?» – парировал Эдуард, продолжая кланяться и улыбаться из открытого экипажа.

Четыре дня он постоянно был на публике, присутствовал на параде в Венсенне, побывал на скачках в Лоншане, на торжественном представлении в Опере, на государственном банкете в Елисейском дворце, завтракал на Кэ-д'Орсе, сумел преобразить холодок в улыбки, когда в театре, смешавшись в антракте с толпой зрителей в фойе, высказал галантные комплименты на французском одной знаменитой актрисе. Повсюду он выступал с изящными и полными такта речами о дружбе и о своем восхищении французами, об их «славных традициях» и «прекрасном городе», к которому он, по собственному признанию, привязан «многими счастливыми воспоминаниями». Он говорил о своем «искреннем удовольствии» от этого визита, о своей вере в то, что все старые разногласия, «к счастью, преодолены и забыты», что общее процветание Франции и Англии взаимосвязано, что укрепление дружбы является его «постоянной заботой». Когда Эдуард уезжал, толпа кричала: «*Vive notre roi!* Да здравствует наш король!» Бельгийский дипломат сообщал: «Редко можно наблюдать столь резкое изменение общего настроения, какое произошло здесь. Он завоевал сердца всех французов». Германский посол считал этот визит «весьма странным» и высказал мысль, что англо-французское сближение, *rapprochement*, явилось результатом общей нелюбви к Германии. В тот же год, после упорной работы министров, преодолевших немало спорных вопросов, это «сближение» превратилось в Entente, англо-французскую Антанту, договор о которой был подписан в апреле 1904 года.

Германия могла бы иметь свою Антанту с Англией, если бы ее руководители, подозрительно относившиеся к английским намерениям, сами не отвергли заигрывания министра колоний Джозефа Чемберлена – сначала в 1899-м, а затем в 1901 году. Ни находившийся в тени Гольштейн, ни направлявший из-за кулис германскую политику эlegantный и эрудированный канцлер, князь Бюлов, ни даже сам кайзер не знали точно, в чем именно они подготавливают Англию, однако были уверены в ее вероломстве. Кайзер всегда стремился заключить

соглашение с Англией, но так, чтобы англичане даже не догадались о его желании подписать подобный договор. Однажды, под влиянием всего английского и родственных чувств во время похорон королевы Виктории, он позволил себе признаться Эдуарду: «Даже мышь не посмеет пошевелиться в Европе без нашего согласия». Так он представлял будущий англо-германский альянс. Но едва англичане выказали признаки готовности, кайзер и его министры стали действовать уклончиво, заподозрив какую-то хитрость. Опасаясь, что англичане будут иметь преимущества за столом переговоров, немцы предпочли вообще уйти от этого вопроса и пожить на постоянно растущий флот, дабы запугать англичан и заставить тех согласиться на германские условия.

Бисмарк советовал Германии опираться в основном на сухопутные силы, но его последователи, ни поодиночке, ни вместе взятые, не были Бисмарками. Он неуклонно добивался достижения ясно видимых целей, они же стремились к более широким горизонтам, не имея четкой идеи в отношении того, чего именно хотят. Гольштейн был Макиавелли без политики и действовал, исходя из одного принципа: подозревать всех и каждого. Бюлов не имел принципов, он был так скользок, жаловался его коллега адмирал Тирпиц, что по сравнению с ним угорь казался пиявкой. Резкий, непостоянный, легко увлекающийся кайзер каждый час ставил разные цели, относясь к дипломатии как к упражнению в вечном движении.

Никто из них не верил, что Англия когда-нибудь придет к соглашению с Францией, и все предупреждения на сей счет, в том числе наиболее обоснованное – от посла в Лондоне барона Эккардштейна, Гольштейн отметал как «наивные». На обеде в Мальборо-Хаусе в 1902 году Эккардштейн видел, как Поль Камбон, французский посол, уединился в бильярдной комнате с Джозефом Чемберленом. Там в течение двадцати восьми минут они вели «оживленный разговор», из которого послу Германии удалось подслушать только два слова – «Египет» и «Марокко» (в мемуарах барона не говорится, была ли дверь открыта или он слушал через замочную скважину). Позднее барона пригласили в кабинет к королю, где Эдуард предложил ему сигару «1888 Уппман» и сообщил, что Англия собирается достичь урегулирования с Францией по спорным колониальным вопросам.

Когда Антанта стала фактом, гнев Вильгельма был страшен. Но еще более досадным и мучительным для кайзера был триумфальный визит Эдуарда в Париж. «Reise-Kaiser», «путешествующий кайзер», – так прозвали Вильгельма из-за частых поездок – получал необыкновенное удовольствие от церемониальных въездов в столицы других стран. Больше всего ему хотелось вступить триумфатором в недостижимый Париж. Он побывал везде, даже в Иерусалиме, где ради кайзера расширили Яффские ворота, чтобы он смог проехать через них верхом на коне. Но Париж, центр всего прекрасного и всего желанного, всего того, чем не был Берлин, оставался для него закрытым. Ему хотелось услышать приветствия парижан, хотелось, чтобы через плечо ему легла красная лента ордена Почетного легиона. Он дважды извещал французов о своем императорском желании, но никакого приглашения не последовало. Он мог войти в Эльзас и выступать с речами, возвеличивающими победу 1870 года, мог командовать парадом в лотарингском Меце, но – и в этом, может быть, и заключается печальная участь королей – кайзер дожил до восьмидесяти двух лет и умер, так и не увидев Парижа.

Зависть к древним нациям пожирала его. Он жаловался Теодору Рузвельту, что английская знать во время поездок на континент никогда не заезжала в Берлин, но всегда отправлялась в Париж. Кайзер считал, что его недооценивают. «За все долгие годы моего правления, – сказал он как-то королю Италии, – мои коллеги, монархи Европы, не обращали внимания на то, что я говорил. Но скоро, когда мой великий флот подкрепит мои слова, они станут проявлять к нам больше уважения». Те же чувства испытывала и вся нация, страдавшая, как и ее император, от нестерпимой потребности признания. Изобилуя энергией и честолюбием, сознавая свою силу, впитав идеи Ницше и Трейчке, эта нация считала себя наделенной правом господствовать и в то же время обманутой, потому что остальной мир отказывался признавать

это право. «Мы должны, – писал рупор германского милитаризма Фридрих фон Бернарди, – обеспечить германской нации и германскому духу на всем земном шаре то высокое уважение, которое они заслуживают... и которого они были лишены до сих пор». Он откровенно признавал лишь один способ достижения этой цели; и все Бернарди помельче, начиная с кайзера, стремились к этому уважению с помощью угроз и демонстраций силы. Они потрясали «железным кулаком», требовали своего «места под солнцем», славили добродетели меча в хвалебных песнях о «крови и железе» и «сверкающей броне». В Германии перефразировали принцип Рузвельта в международных делах – «говори тихо, но держи наготове большую дубинку» на тевтонский манер: «Кричи громче и грози большой пушкой». Когда эта пушка была готова, когда кайзер приказал своим войскам, отправлявшимся на подавление боксерского восстания в Китай, вести себя как гунны Аттилы (выбор гуннов в качестве германского прототипа был его собственным), когда пангерманские общества и военно-морские лиги непрерывно множились, другие нации ответили альянсами, после чего Германия завопила: «Einkreisung! Окружение!» Рефрен «Deutschland ganzlich einzukreisen – Германия полностью окружена» назойливо повторялся более десятилетия.

Зарубежные визиты Эдуарда продолжались – Рим, Вена, Лиссабон, Мадрид – и посещал он не только королевские семьи. Каждый год он проходил курс лечения в Мариенбаде, где мог обмениваться мнениями с «Тигром Франции» Клемансо, своим ровесником, который занимал пост премьера в течение четырех лет за время правления Эдуарда. У короля были две страсти в жизни – строгая одежда и пестрая компания. Он пренебрег первой и стал восхищаться Клемансо. «Тигр» разделял мнение Наполеона о том, что Пруссия «вылупилась из пушечного ядра», и считал, что ядро летит во французскую сторону. Он работал, планировал, маневрировал под влиянием главной идеи: «В стремлении к господству Германия... считает своей основной политической задачей уничтожение Франции». Клемансо сказал Эдуарду, что, если наступит такое время, когда Франции понадобится помощь, морской мощи Англии будет недостаточно, напомнив, что Наполеон был разбит при Ватерлоо, а не у Трафальгара.

В 1908 году Эдуард, к неудовольствию своих подданных, нанес официальный визит русскому царю, встретившись с ним на борту императорской яхты в Ревеле. Английские империалисты рассматривали Россию как старого врага времен Крыма, а что касается последних лет, то как угрозу, нависшую над Индией. Либералы же и лейбористы считали Россию страной кнута, погромов и массовых казней революционеров 1905 года, а царя – как заявил Рамсей Макдональд – «обыкновенным убийцей». Неприязнь была взаимной. России не нравился союз Англии с Японией. Она также ненавидела Англию за то, что та воспрепятствовала ее историческим посягательствам на Константинополь и Дарданеллы. Николай II слил два своих излюбленных предрассудка в одной фразе: «Англичанин – это жид».

Однако старые разногласия были не такими сильными, как новая реальность, и, следуя настояниям французов, жаждавших, чтобы их два союзника пришли к согласию, Англия и Россия в 1907 году подписали конвенцию. Считалось, что личная дружба между монархами рассеет оставшееся недоверие, и Эдуард отправился в Ревель. Он вел долгие переговоры с русским министром иностранных дел Извольским и танцевал с царицей вальс из «Веселой вдовы» с таким успехом, что даже заставил ее рассмеяться – первый человек, который смог добиться подобного результата с тех пор, как эта несчастная женщина надела корону Романовых. Это был вовсе не пустяк, как могло показаться на первый взгляд, потому что царь, о котором вряд ли можно было сказать, что он правит Россией в прямом смысле этого слова, был деспотом-автократом, а им, в свою очередь, правила жена, женщина с сильной волей, хотя и слабым умом. Красивая, истеричная и болезненно подозрительная, она ненавидела всех, кроме своих близких и нескольких фанатичных или безумных шарлатанов, которые утешали ее отчаявшуюся душу. Царь, не наделенный умом и недостаточно образованный, по мнению кайзера, был способен лишь на то, «чтобы жить в деревне и выращивать репу».

Кайзер считал, что царь входит в его собственную сферу влияния, и пытался при помощи хитроумных уловок оторвать его от альянса с Францией, возникшего в результате собственной глупости Вильгельма. Завет Бисмарка «дружить с Россией» и «договор перестраховки», воплощавший этот завет, были забыты Вильгельмом, что явилось первой и самой худшей ошибкой его правления. Александр III, рослый, суровый русский царь тех времен, в 1892 году быстро изменил направление политики и вступил в альянс с республиканской Францией, пойдя даже на то, чтобы встать «смирно» при исполнении «Марсельезы». Кроме того, к Вильгельму он относился с пренебрежением, считая его *«un garçon mal élevé»* («плохо воспитанным»), и постоянно оказывал ему чрезвычайно холодный прием. После того как Николай унаследовал трон, Вильгельм старался исправить свою ошибку, направляя молодому царю пространные письма (на английском языке), в которых давал советы, сообщал слухи и сплетни и распространялся на политические темы. Он обращался к нему «дражайший Ники», а подписывался «любящий тебя друг Вилли». «Безбожная республика, запятнанная кровью монархов, не может быть подходящей компанией для тебя, – говорил он царю. – Ники, поверь моему слову, Бог проклял этот народ навеки». Истинные интересы Ники, убеждал его Вилли, заключаются в *Drei-Kaiser Bund*, Союзе трех императоров – России, Австрии и Германии. И все же, помня насмешки старого царя, он не мог отказать себе в снисходительном тоне по отношению к его сыну. Он обычно похлопывал Николая по плечу и говорил: «Мой тебе совет – побольше речей и побольше парадов, речей и парадов». Он предложил направить немецкие части для защиты Николая от его мятежных подданных, чем привел в бешенство царицу, ненависть которой к Вильгельму росла с каждым его визитом.

После того как кайзеру не удалось в силу определенных причин разъединить Россию и Францию, он выработал хитроумный договор, который предусматривал взаимопомощь России и Германии в случае военного нападения. После подписания договора царь должен был пригласить французов присоединиться к этому документу. После поражения России в войне с Японией (кайзер сделал все, чтобы вовлечь Россию в эту войну) и последовавших за ней революционных выступлений, когда режим оказался в своей наинизшей точке, кайзер пригласил царя на тайную встречу без министров в Бьёрке, на Финском заливе. Вильгельм прекрасно понимал, что Россия не может заключить такой договор, не поступив вероломно по отношению к Франции, но полагал, что подписей монархов будет достаточно, чтобы преодолеть подобное затруднение. Николай подписал договор.

Вильгельм пришел в восторг. Он исправил фатальную ошибку, обеспечил тылы Германии и разорвал окружение. «Слезы радости стояли в моих глазах», – писал кайзер Бюлову, уверенный, что дедушка (Вильгельм I, который, умирая, бормотал слова о войне на два фронта) с гордостью взирает на него с небес. Он считал договор мастерским ходом немецкой дипломатии, что соответствовало бы действительности, если бы не упущение в заголовке. Когда царь привез этот договор домой, пораженные министры указали, что, взяв обязательство выступить на стороне Германии в случае возможной войны, Россия отказывается от своего союза с Францией – деталь, «несомненно, ускользнувшая от внимания Вашего величества в потоке красноречия императора Вильгельма». Договор в Бьёрке, не прожив и дня, прекратил свое существование.

Теперь дружбу с русским царем пытался завести в Ревеле Эдуард. Прочитав доклад германского посла об этой встрече, из которого следовало, что Эдуард действительно хочет мира, кайзер гневно написал на полях: «Ложь. Он хочет войны. Но хочет, чтобы начал ее я, а он бы избежал ответственности».

Год закончился неверным шагом кайзера, таившим в себе опасность взрыва. Он дал интервью газете «Дейли телеграф», высказав ряд идей в отношении того, кто с кем должен воевать. Публикация привела в замешательство не только соседей, но и соотечественников. Общественное неодобрение было таким явным, что кайзер даже слег, проболел три недели и в течение некоторого времени воздерживался от высказываний.

После этого случая никаких сенсационных известий не было. Последние два года первого десятилетия, когда Европа как бы наслаждалась благодатным солнечным днем истории, были самыми спокойными и тихими. Тысяча девятьсот десятый был годом мира и процветания. Второй этап Марокканских кризисов и Балканских войн еще не наступил. Была опубликована новая книга Нормана Энджелла «Великая иллюзия», в которой доказывалось, что война невозможна. С помощью внушительных примеров и неоспоримых аргументов Энджелл утверждал, что при существующей финансовой и экономической взаимозависимости наций победитель будет страдать в одинаковой степени с жертвой – поэтому война невыгодна, и ни одна страна не проявит такой глупости, чтобы ее начать. Переведенная почти сразу на одиннадцать языков, «Великая иллюзия» превратилась в культ. В университетах, в Манчестере, Глазго и других промышленных городах появилось более сорока групп приверженцев, пропагандировавших ее догмы. Самым верным учеником Энджелла был человек, оказывавший большое влияние на военную политику, близкий друг короля и его советник виконт Эшер, председатель Военного комитета, созданного для проведения реорганизации британской армии после шока, вызванного неудачами в англо-бурской войне. Лорд Эшер выступал с лекциями о «Великой иллюзии» в Кембридже и Сорбонне, утверждая, что «новые экономические факторы ясно доказывают всю бессмысленность агрессивных войн». Война XX века будет иметь колоссальные масштабы, заявлял он, и ее неизбежные последствия в виде коммерческого краха, финансовой катастрофы и страданий людей настолько пропитают все идеями сдерживания, что сделают войну немыслимой. Он заявил в речи перед офицерами Клуба объединенных вооруженных сил в присутствии начальника генерального штаба сэра Джона Френча, председательствовавшего на собрании, что ввиду взаимного переплетения интересов наций война с каждым днем становится более трудной и невозможной.

Германия, считал лорд Эшер, «принимает доктрину Нормана Энджелла так же, как и Великобритания». Как отнеслись кайзер и кронпринц к идеям «Великой иллюзии», экземпляры которой Эшер послал им, осталось неизвестным. Нет доказательств того, что Эшер направил эту книгу генералу фон Бернарди, который в 1910 году был занят написанием другой книги – «Германия и следующая война», опубликованной годом позже. Ей суждено было получить такое же влияние, как и книге Энджелла, но с противоположной точки зрения. Названия трех ее глав – «Право вести войну», «Долг вести войну», «Мировая держава или падение» – выражают основные тезисы книги.

Кавалерийский офицер, которому исполнился двадцать один год, Бернарди в 1870 году стал первым немцем, проехавшим через Триумфальную арку после взятия немцами Парижа. С тех пор флаги и слава интересовали его меньше, чем теория, философия и наука войны в применении к «Исторической миссии Германии» (так называлась одна из глав его книги). Он служил начальником отдела военной истории генерального штаба, был представителем интеллектуальной элиты этого серьезного и ревностно трудящегося учреждения, а также автором классического труда по кавалерии до того, как посвятил свою жизнь изучению идей Клаузевица, Трейчке и Дарвина, отразив их в книге, сделавшей его имя синонимом бога войны Марса.

«Война, – утверждал Бернарди, – есть биологическая потребность, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно законы борьбы за существование». Нации, говорил он, должны прогрессировать или загнивать, «не может быть стояния на одном месте», и потому Германия должна выбрать «между мировым господством или падением». Среди прочих наций Германия «в социально-политических аспектах стоит во главе культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Она не сможет достичь «своих великих моральных целей» без увеличения политической силы, расширения сфер влияния и новых территорий. Это увеличение мощи, «соответствующее нашему значению» и «которое мы вправе требовать», является политической необходимостью и «первой, самой главной обязанностью государства». Бернарди

выделял курсивом слова: «*Мы должны сражаться* за то, чего сейчас хотим достигнуть», и без обиняков переходил к выводу: «Завоевание, таким образом, становится законом необходимости».

После доказательства этой «необходимости» (любимое слово германских военных мыслителей) Бернарди переходит к методу. Поскольку обязанность вести войну признана, вторая обязанность состоит в том, чтобы вести ее успешно. Для достижения успеха государство должно начать войну в «наиболее благоприятный момент», имея «признанное право обеспечить высокую привилегию инициативы». Наступательная война становится, таким образом, другой необходимостью, а отсюда второй неизбежный вывод: «На нас лежит обязанность, действуя в наступлении, нанести первый удар». Бернарди не разделял беспокойства кайзера о «презрении и ненависти», которые вызывает агрессор. Он также не пытался скрыть направление удара. «Немыслимо, – писал он, – чтобы Германия и Франция смогли когда-либо договориться в отношении своих затруднений. Францию необходимо сокрушить совершенно, с тем чтобы она не смогла больше перейти нам дорогу», «она должна быть уничтожена раз и навсегда как великая держава».

Король Эдуард не дожидаясь появления работ Бернарди. В январе 1910 года он направил кайзеру свое ежегодное поздравление по случаю дня рождения и подарок – трость, после чего уехал в Мариенбад и Биарриц. Через несколько месяцев он умер.

«Мы потеряли опору нашей внешней политики», – сказал Извольский, услышав о его кончине. Это было преувеличением, потому что Эдуард являлся лишь инструментом, а не создателем новых союзов. Во Франции смерть короля вызвала «глубокие чувства» и «искреннюю скорбь», писала газета «Фигаро». В Париже, по ее словам, так же глубоко ощущали потерю «своего друга», как и в Лондоне. Фонарные столбы и витрины магазинов на Рю-де-ля-Пэ были одеты в такой же черный траур, как и на Пиккадилли, извозчики цепляли креповые ленты к ручкам хлыстов. Задрапированные в траур портреты покойного короля появлялись даже в провинциальных городах, что происходило обычно лишь при смерти выдающихся граждан Франции. В Токио в знак признания союза между Англией и Японией на домах были вывешены перекрещенные флаги обеих стран, древки которых были убраны черным. В Германии, каковы ни были ее чувства, соблюдали строгие правила последних почестей. Всем офицерам армии и флота было приказано носить траур в течение восьми дней, а корабли флота в своих территориальных водах почтили память короля орудийным салютом и приспустили флаги на мачтах. Члены рейхстага поднялись с мест, когда президент зачитывал послание о соболезновании, а кайзер лично нанес английскому послу визит, продолжавшийся полтора часа.

Члены королевской семьи в Лондоне на следующей неделе были всецело поглощены встречами знати, прибывавшей на вокзал Виктория. Кайзер приплыл на своей яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении четырех английских эсминцев. Яхта бросила якорь в устье Темзы, и кайзер приехал поездом на вокзал Виктория, как обычный представитель королевской фамилии. На платформе был развернут пурпурный ковер, а там, где должен был остановиться вагон, соорудили ступеньки, тоже покрытые ковром того же цвета. Поезд прибыл ровно в полдень, из вагона появилась хорошо известная фигура германского императора, который расцеловал встречавшего его короля Георга в обе щеки. После завтрака они вместе отправились в Вестминстер-холл, где покоилось тело Эдуарда. Гроза, разразившаяся накануне вечером, и проливающийся дождь, ливший на следующее утро, не смутили подданных Эдуарда, терпеливо ждавших входа в зал в притихшей очереди. В тот день, в четверг 19 мая, она растянулась на пять миль. В тот день Земля должна была пройти сквозь хвост кометы Галлея, чье появление на небосклоне возродило толки о предвестнице бед – разве не она ознаменовала вторжение норманнов? Журналы в своих литературных отделах цитировали шекспировского «Юлия Цезаря»:

В день смерти нищих не горят кометы,
Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Посередине обширного зала в мрачном величии стоял гроб, на нем лежали корона, держава и скипетр. По четырем углам замерли в карауле четыре офицера; каждый представлял различные полки империи. Они стояли в традиционной траурной позе с преклоненными головами, их руки в белых перчатках были скрещены на эфесах мечей. Кайзер взирал на обряд отдания почестей умершему императору с профессиональным интересом. Ритуал произвел на него сильное впечатление, и многие годы спустя он в деталях помнил это зрелище во всем его «великолепном средневековом убранстве». Он видел, как солнечные лучи пробивались сквозь узкие готические окна, зажигая драгоценные камни на короне, наблюдал, как менялся караул у гроба, как четверо часовых промаршировали с мечами, которые они сначала взяли наизготовку, а затем, встав на свои места, опустили клинками вниз. Караул, который они сменили, как бы медленно заскользил и исчез через какой-то невидимый выход в тени. Возложив на гроб венок из багряных и белых цветов, кайзер вместе с королем Георгом в молчаливой молитве опустился на колени. Встав, он сжал руку своего двоюродного брата в мужественном и сочувственном пожатии. Этот жест, о котором широко сообщалось, вызвал многочисленные благожелательные комментарии.

Публичное поведение кайзера было безупречным. В душе же он не мог отказаться от благоприятной возможности завести новые интриги. За обедом, данным королем в тот вечер в Букингемском дворце, он, отведя в сторону французского министра иностранных дел Пишона, предложил, чтобы Франция в случае конфликта, когда Англия и Германия будут противостоять друг другу, поддержала Германию. Учитывая повод и место встречи, этот блистательный ход императорской мысли вызвал такой же переполох, как и тот, о котором сэр Эдуард Грей, многострадальный английский министр иностранных дел, однажды заметил с завистью: «Другие монархи ведут себя много *тише*». Кайзер позднее отрицал, что сказал тогда что-либо из ряда вон выходящее: он обсуждал лишь Марокко и «некоторые другие политические вопросы». Пишон же только осторожно высказал мысль, что язык «кайзера был дружественным и мирным».

На следующее утро во время процессии, где он, как ни удивительно, не выступал с речью, поведение Вильгельма было примерным. Он крепко держал повод своей лошади, отстав на голову от коня короля Георга. Конан Дойл, бывший специальным корреспондентом во время этого события, писал, что «Вильгельм выглядел настолько благородно, что Англия не будет той доброй старой Англией, если сегодня снова не раскроет ему объятия». Когда процессия достигла Вестминстерского дворца, Вильгельм первым спешился и рванулся к карете королевы Александры с такой проворностью, что успел к ней раньше королевских слуг. Но королева собиралась выйти с другой стороны. Ловко обежав карету, опять впереди слуг, он оказался первым у двери, подал руку вдове и поцеловал ее «с любовью убитого горем племянника». К счастью, в этот момент король Георг подоспел на помощь своей матери и стал сопровождать ее сам; он знал – мать ненавидит кайзера, как по личным причинам, так и из-за Шлезвиг-Гольштейна. Несмотря на то, что, когда Германия захватила эти владения у Дании, Вильгельму было всего восемь лет, Александра не забыла и не простила этого ни ему, ни его стране. Когда ее сына произвели в почетные полковники одного прусского полка – в то время он находился с визитом в Берлине, – она написала ему: «Итак, Джорджи, мой мальчик, ты стал настоящим, живым, грязным немецким солдатом, в островерхой каске и синей шинели!!! Да, не думала я, что доживу до такого! Но ничего... тебе просто не повезло, это не твоя ошибка».

Под приглушенный рокот барабанов и стоны волюнок дюжина матросов в синих форменках и соломенных шляпах вынесли гроб, завернутый в королевский штандарт. Ярko сверкнули на солнце сабли кавалеристов, замерших по команде «смирно». По пронзительному сиг-

налу четырех свистков матросы поставили гроб на артиллерийский лафет, задрапированный в пурпурное, красное и белое. Кorteж двинулся между замершими шеренгами гренадеров, они, как красные стены, обрамляли одетые в траур толпы людей. Никогда еще Лондон не был так переполнен народом – и никогда он не был таким тихим. Рядом и позади орудийного лафета, который тянули лошади Королевского артиллерийского полка, шли шестьдесят три адъютанта его покойного величества, все в чине полковников или капитанов первого ранга, все со званиями пэров; среди них было пять герцогов, четыре маркиза и тринадцать графов. Три фельд-маршала Англии – лорд Китченер, лорд Робертс и сэр Ивлин Вуд – ехали вместе. За ними двигались шесть адмиралов флота, а после них – одиноко – большой друг Эдуарда, порывистый и эксцентричный сэр Джон Фишер, со странным неанглийским лицом китайского мандарина, в прошлом первый морской лорд империи. Подразделения всех знаменитых полков – «колдстримцы», «горцы Гордона», дворцовой кавалерии и боевой кавалерии, Конной гвардии и улан, Королевских фузилеров, франтоватых гусар и драгун, немецких, русских, австрийских и других иностранных кавалерийских частей, почетным полковником которых был Эдуард, а также адмиралы германского флота – все они, по неодобрительным высказываниям некоторых наблюдателей, представляли чересчур грандиозный военный спектакль на похоронах человека, которого называли «Миротворцем».

Его лошадь, ведомая двумя грумами, с пустым седлом и перевернутыми сапогами в стременах, придавала всей картине оттенок простой человеческой скорби, как и ведомый на поводке королевский терьер Цезарь. Далее шла гордость Англии: герольды в расшитых гербами средневековых плащах, королевский телохранитель – носитель серебряного жезла, лорды-камергеры с белыми булавами – знаком их должности, конюшие, шотландские лучники, судьи в париках и черных мантиях, возглавляемые лордом-главным судьей в алом, епископы в пурпурных мантиях, йомены-гвардейцы в черных бархатных шляпах и гофрированных воротниках елизаветинских времен, эскорт трубачей, а за ними следовал строй королей; потом в застекленной карете ехали овдовевшая королева и ее сестра, вдовствующая русская императрица, а также другие королевы, дамы и восточные монархи – в двенадцати разнообразных экипажах.

Длинная процессия двигалась через Уайтхолл, Мэлл, Пиккадилли и Парк в направлении вокзала Паддингтон, откуда поездом тело усопшего должны были отправить в Виндзор для похорон. Оркестр Королевской конной гвардии исполнял «Марш смерти» из «Саула». Люди чувствовали завершенность в медленной поступи процессии и торжественной музыке. После похорон лорд Эшер записал в своем дневнике: «Никогда еще не чувствовалось такой опустошенности. Казалось, все бакены, обозначающие фарватер нашей жизни, сметены волной».

Планы

Глава 2

«Пусть крайний справа коснется рукавом пролива...»

Граф Альфред фон Шлиффен, начальник германского генерального штаба с 1891 по 1906 год, был, как и все немецкие офицеры, воспитан на правиле Клаузевица: «Сердце Франции находится между Брюсселем и Парижем». Это была обескураживающая аксиома, поскольку указываемый ею путь был перекрыт нейтралитетом Бельгии, который сама Германия наряду с другими четырьмя великими державами гарантировала навечно. Полагая, что война предрешена и что Германия должна вступить в нее при условиях, в наибольшей степени обеспечивающих ей успех, Шлиффен решил помешать бельгийскому нейтралитету встать на пути Германии. Из двух типов прусских офицеров – с бычьей шеей и осиной талией – он принадлежал ко второму. С моноклем на аскетически-худом лице, высокомерно-холодный и сдержанный, он с таким фанатизмом отдавался своей профессии, что когда его адъютант в конце продолжавшейся всю ночь поездки штаба по Восточной Пруссии обратил его внимание на красоту реки Прегель, сверкавшей под лучами восходящего солнца, то генерал, бросив на реку короткий и внимательный взгляд, ответил: «Незначительное препятствие». Таковым, как он решил, является и нейтралитет Бельгии.

Нейтральная и независимая Бельгия была плодом творения Англии или, вернее, самого способного министра иностранных дел Англии лорда Пальмерстона. Побережье Бельгии было границей Англии, на полях Бельгии Веллингтон разгромил самую страшную угрозу для Англии со времен Непобедимой армады.

Впоследствии Англия решила превратить этот участок открытой, легкопроходимой территории в нейтральную зону и после поражения Наполеона, в рамках договоренностей, достигнутых на Венском конгрессе, вместе с другими державами согласилась передать ее Королевству Нидерланды. Недовольные союзом с протестантской страной, охваченные лихорадкой национализма XIX века, бельгийцы в 1830 году подняли восстание, вызвав международный конфликт. Голландцы сражались за возвращение своей провинции; также вмешались французы, стремившиеся вновь присоединить то, что когда-то им принадлежало. Самодержавные государства – Россия, Пруссия и Австрия, – преисполненные решимости удержать Европу в тисках Венских соглашений, готовы были стрелять при первых же признаках бунта, где бы он ни вспыхнул.

Лорд Пальмерстон обошел своими маневрами всех. Он знал, что подчиненная провинция всегда будет вечным искушением для того или иного соседа и что только независимое государство, полное решимости сохранить свою целостность, может служить в качестве зоны безопасности. После девяти лет нервов, ловкости, неотступного движения к своей цели, при необходимости используя как рычаг давления английский флот, он обыграл всех соперников и добился заключения международного договора, давшего Бельгии статус «независимого и нейтрального навечно государства». Договор был подписан в 1839 году Англией, Францией, Россией, Пруссией и Австро-Венгрией.

С 1892 года, когда Франция и Россия вступили в военный союз, стало ясно, что четыре подписавших Бельгийский договор страны будут автоматически втянуты – двое против двух – в войну, которую Шлиффен должен был спланировать. Европа являла собой грудку мечей, уложенных вместе так же ненадежно, как и брошенные кучкой бирюльки, – нельзя вытащить ни одну из фигурок, не задев другие. По условиям австро-германского союза Германия обязана

была поддержать Австро-Венгрию в случае любого конфликта с Россией. Согласно договору между Россией и Францией оба его участника обязывались выступить против Германии, если кто-нибудь из них окажется втянутым в «оборонительную войну» с ней. Эти обстоятельства делали неизбежным тот факт, что в ходе любой войны, которую пришлось бы вести Германии, она вынуждена будет сражаться на два фронта – против Франции и России.

Какую роль будет играть Англия, оставалось неясным: она могла остаться нейтральной, могла при определенном условии выступить против Германии. Не было секретом, что таким условием могла стать Бельгия. Во время франко-прусской войны 1870 года, когда Германия еще нетвердо стояла на ногах, Бисмарк, получив намек от Англии, был рад вновь заявить о незыблемости нейтралитета Бельгии. Гладстон добился подписания обеими воюющими сторонами соглашения с Англией, в соответствии с которым в случае нарушения нейтралитета Бельгии Англия будет сотрудничать с другой стороной с целью защиты Бельгии, хотя и не примет участия в общих военных операциях. Несмотря на то, что формула Гладстона была не совсем практичной, у немцев не было оснований считать ее мотивы менее действенными в 1914-м, чем в 1870 году. Тем не менее Шлиффен решил в случае войны напасть на Францию через Бельгию.

Основанием ему служила «военная необходимость». В войне на два фронта, как он писал, «Германия должна бросить все против *одного* врага, самого сильного, самого мощного, самого опасного, и таким врагом может быть только Франция». Законченный Шлиффеном план на 1906 год – год, когда он ушел в отставку, – предусматривал, что за шесть недель семь восьмых всех вооруженных сил Германии сокрушат Францию, в то время как одна восьмая их будет удерживать восточную границу против русских до тех пор, пока основные силы армии не будут переброшены для борьбы со вторым врагом. Он выбрал Францию первой потому, что Россия могла сорвать быструю победу, просто отступив в свои необозримые пространства, втянув Германию в бесконечную кампанию, как когда-то Наполеона. Франция же была под рукой, кроме того, она могла провести быструю мобилизацию. И германским, и французским армиям для завершения полной мобилизации требовалось две недели, и таким образом генеральное наступление могло начаться на пятнадцатый день. России же – в соответствии с германскими расчетами – из-за огромных расстояний, многочисленности населения и слабого железнодорожного сообщения для подготовки генерального наступления понадобится шесть недель, а к этому времени Франция уже будет разбита.

С риском потери Восточной Пруссии, этого сердца юнкерства и Гогенцоллернов, которую защищало всего лишь девять дивизий, смириться было трудно, но Фридрих Великий говорил: «Лучше потерять провинцию, чем допустить разделение войск, необходимых для победы», и ничто так не утешает военные умы, как принципы великого, хотя и мертвого полководца. Только превосходящими силами на Западе удастся добиться быстрой победы над Францией. Только стратегией охвата, используя Бельгию как проходную дорогу, германские армии могли бы, по мнению Шлиффена, успешно атаковать Францию. С чисто военной точки зрения его доводы выглядели безупречными.

Германская армия, насчитывавшая полтора миллиона человек, была теперь в шесть раз больше, чем в 1870 году, и для маневрирования ей было необходимо пространство. Французские крепости и укрепления, построенные вдоль границ с Эльзасом и Лотарингией после 1870 года, не позволяли немцам осуществить фронтальную атаку через общую границу. Затяжная осада не давала благоприятных возможностей, до тех пор пока французские коммуникации оставались открытыми, и результатом стало бы втягивание противника в битву на уничтожение. Только путем обхода можно было нанести удар по французам с тыла и разгромить их. Но французские оборонительные линии упирались своими краями в нейтральные территории – Швейцарию и Бельгию. Если ограничиваться только территорией Франции, то громадной германской армии не хватало пространства для обхода французских армий. Немцы удалось

осуществить это в 1870 году, когда обе армии были небольшими, однако теперь дело шло о переброске миллионной армии для флангового обхода армии той же численности. Главную роль играли пространство, дороги и железнодорожные магистрали. Все это имелось на равнинах Фландрии. В Бельгии было достаточно места для проведения обходов флангов, являвшихся составной частью формулы успеха Шлиффена. И удар через Бельгию позволял избежать фронтального наступления, каковое, по убеждению Шлиффена, могло привести только к катастрофическому поражению.

Клаузевиц, оракул германской военной науки, предписывал добиваться быстрой победы в результате «решающей битвы» как первой цели наступательной войны. Оккупация территории противника и установление контроля над его ресурсами считалось второстепенной задачей. Важнейшее значение придавалось скорейшему достижению заранее обозначенных целей. Время ставилось превыше всего. Все, что задерживало кампанию, Клаузевиц решительно осуждал. «Постепенное уничтожение» противника, или война на истощение, было для него сущей преисподней. Писал он во времена Ватерлоо, и с тех пор его труды почитались библией стратегии.

Для достижения решительной победы Шлиффен избрал стратегию времен битвы при Каннах, заимствовав ее у Ганнибала. Полководец, зачаровавший Шлиффена, был давным-давно мертв. Минуло две тысячи лет со времени классического двойного охвата, примененного Ганнибалом против римлян при Каннах. Полевые орудия и пулеметы сменили лук, стрелы и пращу, но, как писал Шлиффен: «Принципы стратегии остались неизменными. Вражеский фронт не является главной целью. Самое важное – сокрушить фланги противника... и завершить уничтожение ударом ему в тыл». При Шлиффене охват стал фетишем, а фронтальный удар – анафемой германского генерального штаба.

Первый план Шлиффена, предусматривавший нарушение границ Бельгии, был составлен в 1899 году и предполагал прорыв через угол Бельгии восточнее Мааса. Расширяясь с каждым последующим годом, к 1905 году этот план включал огромный обходной маневр правым крылом немецкой армии, в ходе которого германские войска должны пересечь Бельгию, через Льеж к Брюсселю, а затем повернуть на юг и, воспользовавшись преимуществами открытого ландшафта Фландрии, наступать на Францию. Все зависело от быстроты и решительности действий против Франции, и даже длинный обходной путь через Фландрию требовал меньше времени, чем ведение осадных боев вдоль укрепленной линии на границе.

Шлиффен не имел достаточно дивизий, чтобы осуществить двойной охват Франции, как при Каннах. Вместо этого он решил положиться на мощное правое крыло, которое бы прошло через всю территорию Бельгии по обоим берегам Мааса и прочесало бы эту страну подобно гигантским граблям. Затем войска должны были пересечь франко-бельгийскую границу по всей ее протяженности и через долину Уазы обрушиться на Париж. Основная масса немецких сил оказалась бы между столицей и французскими армиями, которым во время их вынужденного отхода для борьбы с нависшей угрозой была бы навязана решающая битва на уничтожение вдали от их укрепленных районов. Существенным моментом в плане было намеренное ослабление левого крыла немецких армий на фронте Эльзас-Лотарингия, чтобы завлечь французов в «мешок» между Мецем и Вогезами. Предполагалось, что французы, в стремлении освободить свои потерянные в прошлом провинции, атакуют именно тут. Тем самым французское наступление лишь поспособствует успеху немецкого плана, так как немецкое левое крыло сможет удерживать их в «мешке» до победы основных сил в тылу французских армий. Кроме того, в своих замыслах Шлиффен всегда втайне лелеял надежду на то, что по мере развертывания битвы удастся организовать контрнаступление левого крыла и осуществить настоящее двойное окружение – «колоссальные Канны» его мечты. Но, решительно усиливая свое правое крыло, он не поддавался этому искушению. Однако заманчивые перспективы левого крыла не давали покоя его преемникам.

Таким образом немцы намеревались обойтись с Бельгией. Решающая битва диктовала охват, а охват требовал бельгийской территории. Германский генеральный штаб называл это военной необходимостью; кайзер и канцлер с этим согласились – более или менее единодушно. Предпринять ли этот шаг, насколько он приемлем из-за возможной неблагоприятной реакции мирового общественного мнения, особенно нейтральных стран, – подобные вопросы не имели никакого значения. Необходимо принимать во внимание только один-единственный критерий – триумф германского оружия. После 1870 года немцы усвоили урок, сводившийся к тому, что сила оружия и война были единственным источником германского величия. В своей книге «Вооруженная нация» фельдмаршал фон дер Гольц поучал: «Мы завоевали наше положение благодаря остроте нашего меча, а не остроте ума». Принять решение о нарушении нейтралитета Бельгии оказалось делом нетрудным.

Греки верили: характер – это судьба. Многие столетия немецкой философии обусловили принятие рокового решения, в котором были заложены семена самоуничтожения, ожидавшие своего часа. Она говорила устами Шлиффена, но создали ее Фихте, считавший, что германский народ избран Провидением, дабы занять высшее место в истории Вселенной; Гегель, полагавший, что немцы ведут остальной мир к славным вершинам принудительной *Kultur*; Ницше, утверждавший, что сверхчеловек стоит выше обычного контроля; Трейчке, согласно которому усиление мощи является высшим моральным долгом государства, всего германского народа, называвшего своего временного правителя «всевышним». Основой же плана Шлиффена были не идеи Клаузевица и не битва при Каннах, а громадный эгоизм, вскормивший немецкий народ и сформировавший нацию, для которой питательной средой являлась «безрассудная иллюзия воли, полагающая себя абсолютной».

Цель – решающая битва – была рождена победами над Австрией и Францией в 1866 и 1870 годах. Мертвые битвы, как и мертвые полководцы, держат военные умы своей мертвой хваткой, и немцы в не меньшей степени, чем другие народы, готовились к последней войне. Они поставили все на карту решающей битвы в образе Ганнибала, однако даже призрак Ганнибала мог бы напомнить Шлиффену о том, что хотя при Каннах и победил Карфаген, войну выиграл Рим.

Старый фельдмаршал Мольтке в 1890 году предсказывал, что следующая война может продлиться семь лет – или даже тридцать, – потому что ресурсы современного государства настолько огромны, что после одного военного поражения оно не признает себя побежденным и борьбы не прекратит. У его племянника и тезки, который после Шлиффена занял пост начальника генерального штаба, также бывали времена, когда он не менее ясно понимал истинное положение. В 1906 году в один из моментов еретического неверия в Клаузевица он заявил кайзеру: «Это будет национальная война, которая закончится не решающей битвой, а только после длительной изматывающей борьбы со страной, которая не будет побеждена до тех пор, пока не будут сломлены ее национальные силы, и эта война в высшей степени истощит наш народ, даже если мы и окажемся победителями». Однако следовать логике своих предсказаний противно человеческой натуре, а тем более – натуре генерального штаба. Аморфная, без определенных границ, концепция затяжной войны не могла быть так научно разработана и распланирована, как ортодоксальное, предсказуемое и простое решение в виде решающей битвы и короткой войны. Молодой Мольтке уже был начальником генерального штаба, когда выступил со своим предсказанием, но ни он сам, ни его штаб, ни штаб любой другой страны не предпринимали попыток хотя бы наметить ориентиры длительной войны. Помимо двух Мольтке, один из которых был уже мертв, а у второго недоставало целеустремленности, кое-кто из военных стратегов в других странах не исключал возможность затяжной войны, однако все предпочитали верить, так же как банкиры и промышленники, что в силу общего расстройств экономической жизни европейская война не может продолжаться более трех-четырех месяцев. Характерной чертой 1914 года – как и любой эпохи – являлась общая предрасположенность, причем

отмеченная во всех странах, не готовиться к худшей альтернативе, не предпринимать шагов, соответствующих тому, что, как они подозревали, было неприятной, но правдой.

Шлиффен, принявший стратегию «решающей битвы», поставил на эту карту судьбу Германии. Он полагал, что Франция нарушит нейтралитет Бельгии, как только развертывание германских войск на бельгийской границе ясно укажет на принятую стратегию, и поэтому, согласно его плану, Германия должна сделать это первой и побыстрее. «Бельгийский нейтралитет будет нарушен той или другой стороной, – гласил его тезис. – Тот, кто войдет в эту страну первым, оккупирует Брюссель и потребует военной компенсации в размере 1000 миллионов франков, одержит верх».

Контрибуция, которая позволяет вести войну за счет противника, а не за свой собственный, была вторичной задачей, поставленной Клаузевицем. Третью задачу он видел в завоевании общественного мнения, которое осуществляется «путем крупных побед и завладением вражеской столицы» и помогает положить конец сопротивлению. Клаузевиц знал, как материальные успехи способны завоевывать общественное мнение; но он забыл, как к его потере может привести моральная неудача, что также является одним из рисков войны.

Об этом риске всегда помнили французы, что заставило их прийти к выводам, противоположным тем, которых ожидал Шлиффен. Бельгия также была для них путем для нападения через Арденны, если не через Фландрию, однако французский план кампании запрещал использовать бельгийскую территорию до тех пор, пока границы Бельгии первыми не нарушат немцы. Для французов логика вопроса была ясна: Бельгия – это дорога, открытая в обоих направлениях; кто использует ее первым – Германия или Франция, – зависело от того, какая из этих стран больше стремилась к войне. Как заметил один французский генерал: «Тот, кто больше всего хочет войны, не может не желать нарушения нейтралитета Бельгии».

Шлиффен и его штаб считали, что воевать Бельгия не будет и не прибавит свои шесть дивизий к французской армии. Когда канцлер Бюлов, обсуждавший эту проблему со Шлиффеном в 1904 году, напомнил собеседнику о предупреждении Бисмарка, что допускать добавления сил еще одной страны к силам противника Германии – противоречить «простому здравому смыслу», Шлиффен несколько раз поправил монокль в глазу, что было его привычкой, и сказал: «Конечно. Мы не стали глупее с тех пор». Бельгия не станет сопротивляться силой оружия, она удовлетворится протестами, заявил он.

Уверенность Германии объяснялась несколько самонадеянными расчетами на хорошо известную алчность Леопольда II, короля Бельгии во времена Шлиффена. Высокий и осанистый, с черной бородой лопатой, он был окружен ореолом порока, составленного из любовниц, денег, жестокостей в Конго и различных скандалов. По мнению австрийского императора Франца-Иосифа, Леопольд был «исключительно плохим человеком». Мало найдется людей, о которых можно так сказать, утверждал император, однако король Бельгии был именно таким. Поскольку Леопольд, в довершение к прочим своим порокам, был жаден, то, как предполагал кайзер, жадность возобладает над здравым смыслом, и поэтому он составил хитроумный план с целью заманить Леопольда в союз, пообещав ему французскую территорию. Когда кайзера захватывал какой-либо проект, то он пытался немедленно осуществить его, и обычно неудача ввергала германского императора в состояние изумления и огорчения. В 1904 году он пригласил Леопольда посетить Берлин. Кайзер говорил с королем Бельгии «самым добрейшим языком в мире» о его гордых праотцах, графах Бургундских, и предложил воссоздать для него древнее герцогство Бургундия из Артуа, французской Фландрии и французских Арденн. Леопольд смотрел на него «широко раскрыв рот» и попытался свести все к шутке, напомнив кайзеру, что со времен XV века многое изменилось. Во всяком случае, сказал Леопольд, его министры и парламент никогда не станут рассматривать такое предложение.

Так говорить не следовало, потому что кайзер пришел в одно из своих состояний гнева и отчитал короля зато, что к парламенту и министрам он питает большее уважение, чем к

персту Божьему (который кайзер иногда путал со своей персоной). «Я сказал ему, – сообщил Вильгельм канцлеру фон Бюлову, – что не позволю играть с собой. Тот, кто в случае европейской войны будет не со мной, тот будет против меня». Кайзер заявил, что он – солдат школы Наполеона и Фридриха Великого, которые начинали свои войны с предупреждения врагам: «Поэтому я, если Бельгия не встанет на мою сторону, должен буду руководствоваться исключительно стратегическими соображениями».

Подобное намерение, явившееся первой ясно выраженной угрозой разорвать договор, привело Леопольда II в замешательство. Он ехал на вокзал в каске, надетой задом наперед, и выглядел, по словам сопровождавшего его адъютанта, так, «как будто бы пережил какое-то потрясение».

Хотя замысел кайзера провалился, все почему-то считали, что Леопольд готов обменять нейтралитет Бельгии на кошелек в два миллиона фунтов стерлингов. Когда после войны один французский офицер разведки узнал о таком «ценнике» от немецкого офицера и выразил удивление подобной щедростью, то получил ответ: «За это должны были заплатить французы». Даже после того как в 1909 году Леопольда на престоле сменил его племянник король Альберт, человек совершенно других качеств, преемники Шлиффена продолжали думать, что сопротивление Бельгии явится лишь простой формальностью. Например, в 1911 году один германский дипломат предположил, что оно может принять форму «выстраивания бельгийской армии вдоль дорог, по которым пойдут германские войска».

Для захвата дорог в Бельгии Шлиффен выделил тридцать четыре дивизии, которым заодно поручалось разделаться с шестью бельгийскими дивизиями, если те все же решат оказывать сопротивление, хотя подобное и казалось немцам маловероятным. Немцы были весьма обеспокоены, как бы этого не случилось, поскольку сопротивление означало бы разрушение железных дорог и мостов и, как следствие, нарушение разработанного графика, которого ревностно придерживался германский генеральный штаб. С другой стороны, уступчивость Бельгии дала бы возможность не связывать немецкие дивизии осадой крепостей на ее территории и, кроме того, позволила бы приглушить общественное недовольство по отношению к этим действиям Германии. Чтобы убедить Бельгию отказаться от бессмысленного сопротивления, Шлиффен предложил накануне вторжения поставить перед нею ультиматум с требованием сдать «все крепости, железные дороги и армию», пригрозив в противном случае подвергнуть бельгийские укрепленные города бомбардировке. При необходимости тяжелая артиллерия была готова превратить угрозу в реальность. Тяжелые орудия, писал Шлиффен в 1912 году, в любом случае потребуются в ходе дальнейшей кампании: «Крупный промышленный город Лилль, например, представляет собой замечательную цель для артиллерийской бомбардировки».

Шлиффен хотел, чтобы его правое крыло вышло на западе к Лиллю, и тогда обход французов будет полностью завершен. «Когда вы направитесь во Францию, пусть крайний справа коснется рукавом пролива Ла-Манш», – говорил он. Более того, принимая во внимание британскую воинственность, он стремился широким прорывом заодно с французами разделаться и с английским экспедиционным корпусом. Шлиффен куда выше оценивал потенциал английского флота, способного организовать блокаду, чем возможности английской армии, и поэтому был полон решимости добиться быстрой победы над английскими и французскими сухопутными войсками и решить исход войны как можно раньше – до того, как на экономическом положении Германии отрицательно скажется враждебность Англии. Чтобы достичь поставленной цели, все силы должны быть брошены на усиление правого крыла. Его надо сделать помощнее и превосходящим противника по численности, потому что плотность войск на милю определяла фронт наступления.

При использовании только действующей армии Шлиффену не хватило бы дивизий, чтобы одновременно сдерживать прорыв русских на восточных рубежах и достигнуть числен-

ного превосходства над Францией для достижения быстрой победы. Решение было простым, если даже не революционным. Он решил использовать на фронтовых позициях части резервистов. В соответствии с существовавшей военной доктриной для сражений годились лишь самые молодые мужчины, недавно обученные и дисциплинированные муштровкой в казармах. Резервисты же, завершившие срок обязательной военной службы и вернувшиеся к гражданской жизни, считались слабыми и непригодными для использования на линии фронта. За исключением людей моложе двадцати шести лет, которые направлялись в действующие части, резервисты формировались в отдельные дивизии, предназначенные для выполнения оккупационных задач и для тыловой службы. Шлиффен изменил это положение. Он добавил примерно двадцать резервных дивизий (их число менялось в зависимости от года составления плана) к пятидесяти или более маршевым дивизиям действующей армии. С увеличением численности войск давно лелеемый им охват стал реально возможным.

Уйдя в 1906 году в отставку, Шлиффен в последние годы жизни по-прежнему продолжал писать о Каннах, вносил улучшения в свой план и составлял служебные записки и директивы, которыми должны были руководствоваться его преемники. Умер он в 1913 году, в возрасте 80 лет, напоследок пробормотав: «Должно начаться сражение. Пусть только правый фланг будет сильным».

Пришедший ему на смену меланхоличный генерал Мольтке был в своем роде пессимистом, которому не доставало готовности Шлиффена сконцентрировать все силы для одного маневра. Если девизом Шлиффена было «Быть смелым, быть смелым», то Мольтке – «Но не слишком смелым». Его беспокоила и слабость левого крыла, противостоящего французам, и слабость войск, оставленных для защиты Восточной Пруссии от русских. Он даже спорил со своим штабом о целесообразности ведения с Францией оборонительной войны, однако отверг эту идею, потому что в этом случае исключалась бы всякая возможность «ведения боевых действий на территории противника». Генеральный штаб счел вторжение в Бельгию «полностью оправданным и необходимым», поскольку война явится борьбой за «оборону и существование Германии». План Шлиффена получил поддержку, а Мольтке утешил себя мыслью, которая, судя по его заявлению в 1913 году, сводилась к следующему: «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора... Только успех оправдывает войну». Однако, чтобы обезопасить себя повсюду, он стал – вразрез с предсмертной просьбой Шлиффена – каждый год брать силы у правого крыла и укреплять ими левое.

Левое крыло Мольтке рассчитывал составить из 8 корпусов, общей численностью около 320 000 человек, и оно должно было удерживать фронт в Эльзасе и Лотарингии южнее Меца. Перед германским центром, состоящим из 11 корпусов и насчитывающим около 400 000 человек, ставилась задача вторгнуться во Францию через Люксембург и Арденны. Правое крыло из 16 корпусов численностью в 700 000 солдат должно было наступать через Бельгию, смять знаменитые ключевые крепости Льеж и Намюра, прикрывающие долину Мааса (Мёзы), быстро форсировать реку, выходя на равнинную местность и прямые дороги на другом берегу. Был заранее расписан каждый день такого марша. Предполагалось, что бельгийцы не окажут сопротивления, но если они все же станут сражаться, то мощь германского наступления, по мнению немецких штабистов, быстро заставит их сдаться. Графиком предусматривалось, что дороги через Льеж будут открыты на двенадцатый день после мобилизации. Брюссель падет на девятнадцатый, французская граница будет пересечена на двадцать второй, на линию Тионвиль – Сен-Кантен войска выйдут на тридцать первый, Париж и решительная победа будут достигнуты на тридцать девятый.

План кампании был составлен тщательно и всеобъемлюще, точь-в-точь как чертеж линейного корабля, и не допускал ни малейших отклонений. Учтя предупреждение Клаузевица о том, что военные планы, в которых нет места для непредвиденного, могут привести к катастрофе, немцы с бесконечным усердием попытались предусмотреть любые случайно-

сти. Штабные офицеры, прошедшие подготовку на маневрах и в военных училищах, призваны были находить верное решение для любых сложившихся обстоятельств, и они, как ожидалось, должны были справиться с неожиданностями. На случай подобных неожиданностей – изменчивых, насмешливых и таящих в себе гибель – были приняты все меры предосторожности, за исключением одной – гибкости.

В то время как план максимального усилия против Франции принимал окончательные формы, опасения Мольтке в отношении России постепенно уменьшались, тем более что генеральный штаб, основываясь на тщательном подсчете протяженности русских железнодорожных линий, пришел к убеждению, что Россия не будет «готова» к войне раньше 1916 года. Еще больше это мнение генерального штаба укрепили донесения шпионов о том, что русские поговаривают «о неких событиях, которые могут начаться в 1916 году».

В 1914 году два события способствовали достижению Германией высшей степени готовности. В апреле Англия начала морские переговоры с русскими, а в июне сама Германия завершила расширение Кильского канала, что открыло ее новым дредноутам прямой проход из Северного моря в Балтику. Узнав об англо-русских переговорах, Мольтке заявил во время визита к своему австрийскому коллеге Конраду фон Хётцендорфу в мае, что, начиная с этого времени, «любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех». Двумя неделями позже, 1 июня, он сказал барону Эккардштейну: «Мы готовы, и теперь чем скорее, тем лучше для нас».

Глава 3

Тень Седана

Однажды в 1913 году в военное министерство к генералу де Кастельно, заместителю начальника французского генерального штаба, прибыл генерал Леба, военный губернатор Лилля, с возражениями против решения генштаба отказаться от Лилля как от крепости. Расположенный в 10 милях от бельгийской границы и в 40 милях от побережья пролива Ла-Манш, Лилль находился рядом с тем путем, которым двигалась бы вторгнувшаяся армия, если бы она наступала через Фландрию. В ответ на просьбу генерала Леба об обороне Лилля генерал де Кастельно расстелил карту и измерил линейкой расстояние от германской границы до Лилля через Бельгию. Для решительного наступления нормальная плотность войск составляет пять-шесть солдат на метр. Как указал де Кастельно, если немцы растянутся на запад до Лилля, то у них окажется по два солдата на метр.

«Мы разрежем их пополам!» – воскликнул он. Германская действующая армия, далее объяснил он, может располагать на Западном фронте двадцатью пятью корпусами, общей численностью около миллиона человек. «Вот, убедитесь сами, – сказал де Кастельно, вручая Леба линейку. – Если они дойдут до Лилля, – повторил он с сардоническим удовлетворением, – что же, тем лучше для нас».

Французская стратегия не игнорировала угрозы охвата правым крылом немецких армий. Напротив, французский генеральный штаб считал, что чем сильнее немцы укрепят свое правое крыло, тем больше они ослабят свой центр и левое крыло, где французская армия планировала свой прорыв. Французская стратегия повернулась спиной к бельгийской границе, а лицом – к Рейну. Пока немцы будут совершать длинный обходный маневр, чтобы напасть на французский фланг, Франция ударит в двух направлениях, смяв германский центр и левое крыло по обе стороны германской укрепленной линии у Меца, и победой в этом районе отрезет правое крыло немцев от базы, тем самым его обезвредив. Это был смелый план, родившийся на почве возрождения Франции после унижения под Седаном.

По условиям мирных соглашений, продиктованных Германией в Версале в 1871 году, Франция перенесла ампутацию, контрибуцию и оккупацию. Навязанные условия предусматривали даже триумфальный марш немецкой армии по Елисейским полям. Победители промаршировали по безмолвной и безлюдной, убранной в траур улице. Когда французский парламент ратифицировал условия мира, депутаты от Эльзаса и Лотарингии, в слезах покидавшие зал заседаний в Бордо, возмущенно заявляли: «Мы провозглашаем право эльзасцев и лотарингцев всегда быть частью французской нации. Мы клянемся сами, от имени наших избирателей, от имени наших детей и детей их детей, что навсегда останемся французами и будем всеми средствами отстаивать это право, невзирая на узурпатора».

Аннексии – против нее возражал даже Бисмарк, утверждая, что она станет ахиллесовой пятой новой Германской империи, – требовали старший Мольтке и его генеральный штаб. Они настаивали на ней и убеждали императора, что пограничные провинции у Меца, Страсбурга и по отрогам Вогезов необходимо отрезать, чтобы навечно поставить Францию географически в положение обороняющегося. Вдобавок они наложили тяжелейшую контрибуцию в пять миллиардов франков, стремясь закабалить страну на целое поколение, а до окончания выплаты этой контрибуции во Франции должна была находиться оккупационная армия. Одним колоссальным усилием французы собрали и выплатили всю сумму в три года, и с этого началось их возрождение.

Память о Седане постоянной черной тенью преследовала сознание французов. Гамбетта дал совет: «N'en parlez jamais; pensez-y toujours» («Не говорите об этом никогда, но думайте постоянно»). Более сорока лет мысль «Опять» оставалась единственным основополагающим

фактором французской политики. В течение первых нескольких лет после 1870 года инстинкты и военная слабость диктовали крепостную стратегию. Франция отгородила себя системой укрепленных лагерей, соединенных фортами. Две линии укреплений, Бельфор – Эпиналь и Туль – Верден, защищали восточную границу, а одна, Мобеж – Валансьенн – Лилль, охраняла западную половину бельгийской границы; оставленные между ними промежутки предназначались для того, чтобы вторгнувшиеся вражеские войска двигались в нужном для обороняющихся направлении.

За своими стенами, как провозгласил в одной из своих наиболее страстных речей Виктор Гюго, «Франция будет проникнута только одной мыслью: прийти в себя, обрести душевное равновесие, стряхнуть кошмар отчаяния, собраться с силами; возвращать семена священного гнева в душах детей, которым предстоит стать взрослыми; отливать пушки и воспитывать граждан; создать армию, неотделимую от народа; призвать науку на помощь войне; изучить тактику пруссаков, подобно тому как Рим изучал тактику карфагенян; укрепиться, стать тверже, возродиться, снова сделаться великой Францией, Францией Девяносто второго года, Францией, вооруженной идеей, и Францией, вооруженной мечом. А затем, в один прекрасный день, она внезапно распряжится!.. Это будет грозное зрелище; все увидят, как одним рывком она вернет себе Лотарингию, вернет Эльзас!»

Вновь вернулось процветание, росла империя, в обществе не утихали экономические и идейные раздоры, страна бурлила – роялизм, буланжизм, клерикализм, забастовки и кульминация всего – опустошительное «дело Дрейфуса», но по-прежнему, не угасая, пылал священный гнев, особенно в армии. Единственным, что удерживало воедино все элементы армии, будь то крайние консерваторы или республиканцы, иезуиты или масоны, был *mystique d'Alsace*, мистический Эльзас. Взоры всех приковывала к себе голубоватая полоска Вогезов. Пехотный капитан признавался в 1912 году, что взял себе за обычай водить солдат своей роты, по двое-трое, в тайные дозоры через темный сосновый лес на горные вершины, откуда открывался вид на Кольмар: «Когда мы возвращались из этих тайных экспедиций и наши колонны перестраивались, то все переполненные нахлынувшими чувствами и онемевшие от них».

Первоначально Эльзас, не немецкий и не французский, постоянно переходил из рук в руки до тех пор, пока Людовик XIV не подтвердил прав на него Франции Вестфальским договором 1648 года. После аннексии в 1870 году Германией Эльзаса и части Лотарингии Бисмарк посоветовал предоставить их жителям как можно большую автономию и поощрять их партикуляризм, ибо, говаривал он, чем больше они будут считать себя эльзасцами, тем меньше – французами. Его преемники не понимали этой необходимости. Они не принимали во внимание желания своих новых подданных, не делали попыток завоевать их на свою сторону, управляли этими провинциями как Рейхсляндом, или «Имперской территорией», посредством германских чиновников – практически так же, как африканскими колониями. Они преуспели в одном: им удалось озлобить и оттолкнуть от себя население, пока в 1911 году ему не была дарована конституция. Но уже было слишком поздно. Германское правление было подорвано в 1913 году в результате событий в Цаберне; столкновения начались с обмена оскорблениями между горожанами и немецким гарнизоном, а затем германский офицер ударил саблей калекусапожника. Инцидент в неприкрытом виде явил мировой общественности политику германских властей в Рейхслянде, вызвал взрыв антигерманских настроений во всем мире и одновременно триумф милитаризма в Берлине, где офицер из Цаберна стал героем, удостоившись поздравлений от кронпринца.

Год 1870-й не означал для Германии окончательного урегулирования. Германский день в Европе, заря которого, как полагали, занялась с провозглашением Германской империи в Зеркальном зале Версаля, в полную силу так и не засиял. Франция не была сокрушена; в действительности Французская империя расширялась в Северной Африке и Индокитае; и мир искусства, красоты и стиля, как и раньше, преклонялся перед Парижем. Немцев одолевала зависть к

побежденной ими стране. «Живет, как бог во Франции», – гласила немецкая поговорка. Вместе с тем они считали французскую культуру декадентской, а саму страну – ослабленной демократией. «Невозможно, чтобы эффективно сражалась страна, в которой за 43 года сменилось 42 военных министра», – заявил ведущий историк Германии профессор Ганс Дельбрюк. Уверовав в собственное превосходство по духу, силе, энергии, трудолюбию и национальной добродетельности, немцы были убеждены, что по праву заслуживают господства в Европе. Работа, начатая под Седаном, должна быть завершена.

Живя под тенью этого незаконченного дела, Франция, оживая духом и телом, начала с раздражением относиться к тому, что постоянно приходится быть начеку, и стала уставать от вечных поучений своих руководителей о самообороне. С начала нового века ее дух восстал против тридцатилетнего пребывания в обороне и вытекающего отсюда признания собственной неполноценности. Франция понимала, что физически она уступает Германии. У нее было меньше населения, рождаемость оставалась низкой. Ей необходимо было оружие, которого не имела Германия, чтобы с его помощью обрести веру в себя. Представление о Франции, «вооруженной идеей и мечом», отвечало этому требованию. Выраженная Бергсоном, эта идея носила название *élan vital* — «жизненный порыв». Вера в силу этого всепобеждающего порыва убедила Францию, что человеческому духу вовсе не нужно склоняться перед заранее предреченными силами эволюции, которые Шопенгауэр и Гегель провозгласили непобедимыми. Дух Франции уравнивает этот фактор. Воля к победе, ее *élan*, даст возможность Франции победить врага. Гений Франции заключается в ее духе, духе *la gloire* – духе славы 1792 года, в несравненной «Марсельезе», героической кавалерийской атаке генерала Маргерита под Седаном, когда даже Вильгельм I, наблюдавший за ходом сражения, не мог удержаться от восклицания: «*Oh, les braves gens! O эти храбрые ребята!*»

Вера в страсть Франции, в *furor Gallicae*, возродила во французском поколении послевоенных лет уверенность в судьбе своей страны. Именно эта сила разворачивала ее знамена, звучала в ее горнах, вооружала солдат, и именно она призвана была вести Францию к победе, если бы «опять» пробил ее час.

Переведенный на язык военных терминов, *élan vital* Бергсона превратился в наступательную военную доктрину. По мере того как оборонительная стратегия уступала место наступательной, все внимание постепенно перемещалось от бельгийской границы на восток, откуда можно было осуществить наступление французской армии с целью прорыва к Рейну. Для немцев кружной путь через Фландрию вел к Парижу, для французов же этот вариант был бесполезен. В Берлин они могли попасть лишь самым коротким путем. Чем больше французский генеральный штаб склонялся к мысли о наступлении, тем больше сил концентрировалось у исходного рубежа атаки и тем меньше их оставалось для защиты бельгийской границы.

Колыбелью наступательной доктрины была Ecole Supérieure de Guerre – Высшая военная школа, средоточие интеллектуальной элиты армии. Начальник школы, генерал Фердинанд Фош, был основоположником французской военной теории того времени. Ум Фоша, как и его сердце, имел два клапана – через один патриотический дух вливался в его стратегию, через другой – здравый смысл. С одной стороны, Фош проповедовал *mystique* воли, что выражалось в его знаменитых афоризмах: «Воля к борьбе есть первое условие победы», или более сжато: «*Victoire c'est la volonté*» – «Победа – это воля», или также: «Выигранная битва – это та битва, в которой вы не признаете себя побежденными».

Практически это вылилось в знаменитый приказ при Марне о наступлении, когда ситуация диктовала отступление. Офицеры тех времен помнят, как он призывал: «В атаку, в атаку!» Ожесточенно, непрерывно жестикулируя, он был весь в движении, будто заряженный электрическим током. Почему, спрашивали его впоследствии, он начал наступление на Марне, когда с технической точки зрения он был разбит? «Почему? Я не знаю. Потому что я верил в своих людей, потому что у меня была воля. И тогда... Бог был с нами».

Будучи глубоким знатоком Клаузевица, Фош, в противоположность немецким последователям Клаузевица, не верил, что разработанный заранее график сражения обязательно принесет успех. Напротив, он даже учил, что необходимо быть готовым постоянно приспосабливаться и импровизировать, чтобы справиться с любыми обстоятельствами. «Правила, – говаривал он, – хороши для подготовки, но в час опасности в них немного пользы... Нужно учиться думать». Думать – значит предоставить место свободе инициативы, чтобы нечто неуловимое взяло верх над материальным, чтобы воля подчинила себе обстоятельства.

Но Фош предупреждал, что было бы «ребячеством» думать, будто один лишь моральный дух может победить. В довоенных лекциях и своих книгах «*Les Principes de la Guerre*» («О принципах войны») и «*La Conduite de la Guerre*» («О ведении войны») он после полетов в сферы метафизики неожиданно спускался к более приземленным вопросам тактики, рассуждая о выдвижении авангардов, о необходимости *sûreté*, или охранения, об элементах огневой мощи, о требованиях дисциплины и субординации. Реалистическая часть учения Фоша подытоживалась в еще одном его афоризме, ставшем известным во время войны: «*De quoi s'agit-il?*» («В чем суть проблемы?»)

Несмотря на красноречие Фоша в вопросах тактики, именно его «таинство воли» пленило умы его сторонников. Однажды в 1908 году, когда Клемансо рассматривал вопрос о назначении Фоша, в ту пору преподавателя Высшей военной школы, на пост ее начальника, он направил одного частного агента с заданием послушать, что говорит Фош на лекциях. Агент в замешательстве доносил: «Этот офицер преподает метафизику настолько непонятно, будто хочет превратить своих учеников в идиотов». Хотя Клемансо все же назначил Фоша на этот пост, донесение в некотором смысле отражало правду. Принципы Фоша стали ловушкой для Франции не потому, что были запутанны и непонятны, а в силу их особой привлекательности. Их подхватил с особым энтузиазмом полковник Гранмезон, «пылкий и блестящий офицер», который был начальником Третьего бюро, или оперативного управления. В 1911 году он выступил в Военной академии с двумя лекциями, имевшими далеко идущие последствия.

Полковник Гранмезон ухватил лишь «верхи», а не основание теории Фоша. Возвеличивая исключительно *élan*, волю к победе, без учета *sûreté*, обороны, он выдвинул военную философию, которая наэлектризовала его слушателей. Он размахивал перед их возбужденным взором «идеи, вооруженной мечом», которая указывала им, каким образом Франция способна победить. Сущность этой философии сводилась к *offensive à outrance* – наступлению до предела. Только таким образом можно прийти к решающей битве Клаузевица, которая, «использованная до конца, является главным актом войны» и которую, «раз начав, необходимо довести до конца без колебаний, с предельным использованием всех человеческих возможностей». Захват инициативы является абсолютно необходимым. Заранее разработанные мероприятия, основанные на догматических суждениях о том, как будет действовать противник, являются преждевременными. Свобода действий достигается только путем навязывания своей воли противнику. «Все приказы командования должны вдохновляться решимостью захватить и удерживать инициативу». Оборона отвергнута, забыта, сброшена со счетов; единственным оправданием для обороны может служить лишь «экономия сил на некоторых участках с дальнейшим подключением их к наступлению».

Выдвинутые принципы оказали глубокое влияние на генеральный штаб, на их основе подготовивший в течение последующих двух лет Полевой устав и новый план кампании, названный «План-17», который был утвержден в мае 1913 года. Через несколько месяцев после прочитанных Гранмезоном лекций президент республики Фальер провозгласил: «Только наступление соответствует темпераменту французского солдата... Мы полны решимости выступить против противника без колебаний».

Новый Полевой устав, введенный правительством в октябре 1913 года в качестве основного руководства к обучению и действиям французской армии, начинался громогласным и

высокопарным заявлением: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого иного закона, кроме закона наступления». За этим следовало восемь заповедей, составленных из таких звонких фраз, как «решающая битва», «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование». Со всем жаром верующего-ортодокса, искореняющего ересь, устав клеймил оборонительную концепцию, напроць от нее отказываясь. «Только наступление, – возвещал он, – приводит к положительным результатам». Седьмая заповедь, выделенная авторами курсивом, утверждала: «Как ничто другое, битвы являются борьбой моральных принципов. Поражение неизбежно, как только исчезает воля к победе. Успех приходит не к тому, кто меньше пострадал, а к тому, чья воля тверже и чей моральный дух крепче».

Нигде в этих восьми заповедях не упоминалось о боевой технике, об огневой мощи или о том, что Фош называл «*sûreté*» – защита или оборона. Идея этого устава была увековечена в знаменитом словце, ставшем ходовым среди французского офицерского корпуса, – *le cran* – смелость, отвага, или, проще, «не трусить». Под этим девизом французская армия и отправилась на войну в 1914 году – так юность штурмует горную вершину с призывом «Давай выше!».

В годы, когда претерпевала изменения французская военная философия, география Франции оставалась прежней. Положение границ Франции было таким же, как и в 1870 году, когда они были установлены по воле Германии. Территориальные требования Германии, как объяснил Вильгельм I императрице Евгении, заявившей протест, «не имеют другой цели, кроме как избавиться от плацдарма, с которого французские армии смогут в будущем напасть на нас». Немцы сами выдвинули вперед исходные рубежи, откуда Германия могла атаковать Францию. В то время как французская история и развитие после начала нового века требовали наступательной стратегии, география страны по-прежнему диктовала оборонительную.

В 1911 году, тогда же, когда полковник Гранмезон читал свои лекции, была предпринята последняя попытка привязать Францию к стратегии обороны. В Высшем военном совете на обороне настаивал не кто иной, как генерал Мишель – в случае войны он, как заместитель председателя совета, становился главнокомандующим вооруженными силами, и был самым высокопоставленным офицером в армии. В докладе, точно отражавшем мышление Шлиффена, он дал оценку возможного направления наступления немцев, а также изложил рекомендации для его отражения. Он утверждал, что ввиду сильно пересеченной местности и мощных укреплений французской оборонительной линии на границе с Германией немцы не могут надеяться выиграть быструю решающую битву в Лотарингии. Марш через Люксембург и узкий угол бельгийской территории восточнее реки Маас также не давал им достаточного пространства для проведения своего излюбленного плана охвата. Только воспользовавшись преимуществом «всей территории Бельгии», убеждал Мишель, немцы смогли бы провести то «немедленное, грубое и решительное наступление» против Франции, которое им необходимо было осуществить до того, как в игру смогут вступить ее союзники. Он отмечал давнее желание немцев овладеть крупным бельгийским портом Антверпен, захват которого мог стать еще одной причиной для нападения через Фландрию. Мишель предложил, чтобы противопоставить немцам на линии Верден – Намюр – Антверпен французскую армию численностью в миллион человек, левое крыло которой – как и правое крыло Шлиффена – должно было «коснуться рукавом» Ла-Манша.

План генерала Мишеля был не только оборонительным по своему характеру; он также включал в себя предложение, являвшееся анафемой для его коллег-офицеров. Чтобы противостоять многочисленной немецкой армии, которая, по его мнению, двинется через Бельгию, генерал Мишель собирался удвоить численность передовых частей французских войск, прикрыв к каждому полку действительной службы полк резервистов. Предложи он причислить

певицу и актрису Мистенгетт к «бессмертным» Французской академии, и то вряд ли вызвал бы больше шума и гневных возражений.

«Les reserves c'est zero! Резервисты – это ноль!» – такова была классическая догма французского офицерского корпуса. Мужчины, в возрасте от 23 до 34 лет и прошедшие обязательную военную подготовку в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности, зачислялись в резерв. При мобилизации наиболее молодые возрастные категории дополняли регулярные воинские части до штатов военного времени; остальные сводились в резервные полки, бригады и дивизии в соответствии с географическим расположением их округов. Эти части предназначались только для тыловой службы или в качестве крепостных гарнизонов, так как считалось, что ввиду отсутствия в них подготовленного офицерского и сержантского состава их нельзя присоединять к боевым полкам. Презрение регулярной армии к резервистам, которое разделяли и поддерживали правые партии, усугублялось отрицательным отношением к принципу «вооруженная нация». Смешать резервы с дивизиями действительной службы означало бы снизить наступательную мощь армии. При защите страны, полагали они, можно положиться только на действующую армию.

Левые партии, наоборот, помня генерала Буланже верхом на коне, ассоциировали армию с государственным переворотом и были убеждены, что принцип «вооруженной нации» является единственной гарантией республики. Они утверждали, что несколько месяцев подготовки сделают любого гражданина пригодным для войны, и решительно сопротивлялись увеличению срока действительной службы до трех лет. Этой реформы армия потребовала в 1913 году не только в качестве ответа росту численности германских вооруженных сил, но и потому, что чем больше людей проходит военную подготовку в данный момент, тем в меньшей степени можно брать в расчет резервные части. После острых споров, серьезно взбудораживших страну, закон о трехлетней военной службе был все-таки принят в августе 1913 года.

На пренебрежительном отношении к резервистам сказывалась и новая доктрина наступательной войны, которая, как думали, могла быть успешно реализована только с помощью солдат действительной службы. Чтобы нанести внезапный победоносный удар в ходе *attaque brusquée*, стремительного натиска, символом которого была штыковая атака, требовался *élan*, порыв, а как можно рассчитывать на *élan* у людей, привыкших к гражданской жизни и обремененных семейными заботами. Резервисты, смешанные с солдатами действительной службы, дадут «армию, находящуюся в упадке», у которой не может быть воли к победе.

Как было известно, подобные чувства испытывали и за Рейном. Лозунг кайзера «Ни одного отца семейства на фронте» получил широкую поддержку. В среде французского генерального штаба считалось непреложной истиной, что немцы не станут смешивать действующие части с резервными, что, в свою очередь, породило убежденность, что численность имеющихся у Германии войск не позволит ей выполнить сразу две задачи: бросить мощное правое крыло в массированное наступление через Бельгию западнее от Мааса и в то же время сосредоточить достаточное количество войск в центре и на левом фланге для отражения французского прорыва к Рейну.

Когда генерал Мишель представил свой план, военный министр Мессими отнесся к нему как к «*comme un insanié*», «чему-то безумному». Как председатель Верховного военного совета он не только пытался не допустить принятия этого плана, но даже провел консультации с другими членами совета о целесообразности отстранения Мишеля.

Мессими, цветущий, энергичный и громогласный, почти неистовый человек, с толстой шеей, круглой головой и блестящими за очками глазами крестьянина, в прошлом был профессиональным военным. В 1899 году он, тридцатилетний капитан альпийских стрелков, подал в отставку в знак протеста против отказа в пересмотре дела Дрейфуса. В то горячее время весь офицерский корпус придерживался позиции, что сама возможность признать невиновность Дрейфуса после вынесения ему приговора нанесет удар по престижу армии и идее ее непогре-

шимости. Мессими, который не смог поставить верность армии выше принципов правосудия, решил посвятить себя политической карьере, задавшись целью «примирить армию с народом». Он принес в военное министерство страсть к улучшениям. Обнаружив, что «большое число генералов не только не способно вести войска за собой, но даже следовать за ними», он прибег к уловке Теодора Рузвельта, отдав приказ: все генералы должны участвовать в маневрах верхом на коне. Когда зазвучали протесты и угрозы, что такой-то и такой-то вынужден будет подать в отставку, Мессими отвечал, что именно этого и добивается. Военным министром он был назначен 30 июня 1911 года, после того, как на этом посту за четыре месяца сменилось четыре министра, и на следующий же день столкнулся с проблемой «прыжка» германской канонерской лодки «Пантера» в Агадир, что предшествовало второму Марокканскому кризису. Ожидая мобилизации в любой момент, Мессими обнаружил, что генерал Мишель – который в случае войны должен был быть назначен главнокомандующим – проявляет «колебания, нерешительность и подавлен тем грузом обязанностей, который мог свалиться на него в любую минуту». По мнению Мессими, Мишель, занимая этот пост, представлял «национальную опасность». «Безумное» предложение Мишеля являлось удобным поводом избавиться от него.

Мишель, однако, отказался уйти, не представив сначала свой план на рассмотрение совета, в состав которого входили видные генералы Франции: Галлиени, прославившийся в колониях; По, однорукий ветеран 1870 года; Жоффри, молчаливый инженер; Дюбай, образец галантности, носивший свое кепи набекрень с «*chic exquis*», изысканным шиком Второй империи. Всем им предстояло занять активные командные посты в 1914 году, а двое из них стали маршалами Франции. План Мишеля никто из них не поддержал. Один из офицеров военного министерства, присутствовавший на этом заседании, сказал: «Нет смысла обсуждать это предложение. Генерал Мишель не в своем уме».

Представлял ли этот вердикт мнение всех присутствовавших или нет – позднее Мишель утверждал, что генерал Дюбай вообще-то поначалу соглашался с ним, – но Мессими, не скрывавший своей враждебности к Мишелю, повел совет за собой. Судьбе оказалось угодно, чтобы у Мессими был сильный характер, а у Мишеля – нет. Быть правым и оказаться поверженным – такое не прощается людям, занимающим ответственные посты, и Мишель должным образом поплатился за свою проницательность. Освобожденный от своего поста, он был назначен военным губернатором Парижа, и в критический час грядущего испытания он и в самом деле проявил «колебания и нерешительность».

Военный министр Мессими, решительно выкорчевавший ересь Мишеля об обороне, делал все от него зависящее, чтобы оснастить армию для ведения наступательных боев, однако, в свою очередь, потерпел поражение в осуществлении своего заветного проекта – реформирования французской военной формы. Англичане одели своих солдат в хаки после англо-бурской войны, и синий цвет прусского мундира немцы собирались сменить на защитный серый. Однако в 1912 году французские солдаты все еще продолжали носить те же голубые шинели, красные кепи и красные рейтузы, как и в 1830 году, когда дальность ружейного огня не превышала двухсот шагов и когда армии, сходящиеся на близкие дистанции, не испытывали необходимости в маскировке. Посетив балканский театр военных действий в 1912 году, Мессими сразу увидел те преимущества, которые давала болгарам их единообразная однотонная форма, и по возвращении во Францию решил сделать французского солдата не таким заметным. Его проект, предусматривавший ввести для мундиров серо-голубой или серо-зеленый цвет, вызвал настоящую бурю протестов. Армия с таким же гордым упрямством не желала отказываться от красных рейтуз, как и принимать на вооружение тяжелые орудия. Вновь возникло чувство, что на кону стоит престиж армии. Одеть французского солдата в какой-то грязный позорный цвет, заявляли защитники армии, означало бы пойти навстречу самым сокровенным надеждам сторонников Дрейфуса и масонов. Запретить «все красочное, все, что оживляет вид солдата, – писала «Эко де Пари», – значит выступить как против французского духа, так и воен-

ной службы». Мессими указывал, что эти понятия вряд ли можно считать синонимичными, однако его оппоненты оказались непробиваемыми. Во время слушания в парламенте бывший военный министр Этьен говорил от имени Франции.

– Отменить красные рейтузы? – восклицал он. – Никогда! *Les pantalon rouge c'est la France!* Красные рейтузы – это Франция!

«Эта глупая и слепая привязанность к самому заметному из всех цветов, – писал впоследствии Мессими, – будет иметь жестокие последствия».

Тем временем, пока Франция еще переживала Агадирский кризис, он должен был назначить вместо Мишеля нового главнокомандующего на случай чрезвычайных обстоятельств. Мессими собирался придать еще больший вес этому посту, совместив его с постом начальника генерального штаба, одновременно ликвидировав пост начальника штаба при военном министре, который тогда занимал генерал Дюбай. Преемник Мишеля сконцентрировал бы в своих руках все бразды правления.

Сначала Мессими остановил свой выбор на известном генерале Галлиени, но тот, сурово блеснув стеклами пенсне, отказался от назначения, мотивировав свой отказ тем, что он принимал участие в смещении генерала Мишеля и поэтому, заняв его место, будет чувствовать угрызения совести. Более того, в 64 года он собирался уйти в отставку, до которой ему оставалось два года, и Галлиени также считал, что назначение представителя колониальных войск вызовет недовольство в военной среде метрополии. «*Une question de bouton. Вопрос мундира*», – сказал он, постучав пальцем по своим знакам различия. Генерал По, следующий за ним по служебной иерархии, поставил условием право назначать по своему выбору генералов на высшие командные должности. Подобное требование, исходящее от человека, известного своими реакционными взглядами, угрожало разжечь едва затихшую вражду между стоящей на крайних правых позициях армией и республикански настроенной нацией. Уважая честность По, правительство отвергло это условие. Тогда Мессими посоветовался с Галлиени, и тот рекомендовал своего бывшего подчиненного, с которым служил на Мадагаскаре, «хладнокровного и методичного работника с гибким и точным умом». И предложение занять вакантный пост было сделано Жозефу Жаку Сезару Жоффру, который в прошлом возглавлял Инженерный корпус, а ныне был начальником службы тыла и которому на тот момент было пятьдесят девять лет.

В мешковатом мундире, массивный и с брюшком, с мясистым лицом, украшенным тяжелыми, почти белыми усами и под стать им мохнатыми бровями, с чистой, как у юноши, кожей, со спокойными голубыми глазами и прямым безмятежным взглядом, Жоффр походил на Санта-Клауса и производил впечатление благочестия и наивности – два качества, которые не были главными чертами его характера. Он не был выходцем из благородной семьи, не был выпускником Сен-Сира (Жоффр закончил менее аристократичную, но более научную *Ecole Polytechnique*, Политехническую школу); не проходил курс обучения в Высшей военной школе. Как офицер Инженерного корпуса, Жоффр занимался такими неромантическими делами, как строительство укреплений и железных дорог, и принадлежал к роду войск, откуда, как считали, не поднимались на высшие командные посты. Родом из Французских Пиренеев, он был старшим среди одиннадцати детей мелкого буржуа, фабриканта винных бочек. Его военная карьера отличалась незаметными достижениями и исполнительностью на всех постах, которые он занимал: командир роты на Формозе и в Индокитае, майор в Судане и Тимбукту, штабной офицер в железнодорожном отделе военного министерства, преподаватель в артиллерийском училище. С 1900 до 1905 года Жоффр служил под началом Галлиени на Мадагаскаре, где отвечал за фортификационные сооружения; в 1905 году он стал дивизионным генералом, в 1908 году – корпусным и, наконец, с 1910 года – начальник службы тыла и член Военного совета.

Он не имел ни клерикальных, ни монархических, ни каких-либо иных, внушающих обеспокоенность связей, а во время дела Дрейфуса находился за границей. Его репутация хорошего республиканца была такой же безукоризненной, как и его тщательно наманикюренные

руки; вид у генерала был солидный и в высшей степени флегматичный. Выдающейся чертой Жоффра была крайняя молчаливость, которая у кого-то другого могла бы показаться признаком низкой самооценки, однако он, нося ее как ореол вокруг своего тучного, спокойного тела, внушал лишь уверенность. До отставки ему оставалось еще пять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.